№ 356

РЕДАКЦІЯ „КІЕВЛЯНИНА“

открыта для посѣтителей по дѣламъ газеты ежедневно отъ 3-хъ до 5-ти час. пополуд. Статьи для напечатанія должны быть снабжены подписью автора и съ обозначеніемъ адреса, хотя-бы авторъ пожелалъ скрыть свое имя въ печати. Статьи, доставленныя безъ означенія условій, считаются безплатными. Мелкія замѣтки и корреспонденціи вовсе не возвращаются. Статьи, признанныя редакціею неудобными къ печатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи; возвращенія ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ. Принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) въ главной конторѣ редакціи „Кіевлянина“—уголъ Караваевской и Кузнечной ул., близъ университета, отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч., въ праздн. отъ 11 до 3 ч. дня 2) въ крещатикскомъ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина 3) въ подольскомъ отдѣленіи конторы при складѣ бумаги Добрушской фабрики, Гостиный рядъ, № 14. 4) въ С.-Петербургѣ въ склад. складѣ Н. Я. Оглоблина, Екатерининская, № 4.

# КІЕВЛЯНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 25-го ДЕКАБРЯ 1906 ГОДА.

Годъ сорокъ третій.

№ 356

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

„Кіевлянинъ“ съ доставк. и перес.: на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 50 к., на 9 м.—9 р. 60 к., на 8 м.—8 р. 50 к., на 7 м.—7 р. 50 к., на 6 м.—6 р. 50 к., на 5 м.—5 р. 50 к., на 4 м.—4 р. 40 к., на 3 м.—3 р. 30 к., на 2 м.—2 р. 30 к., на 1 м.—1 р. 20 к.; безъ дост. и перес.: на годъ—10 р., на 11 м.—9 р. 20 к., на 10 м.—9 р., на 9 м. 8 р. 20 к., на 8 м.—7 р. 40 к., на 7 м.—6 р. 60 к., на 6 м.—5 р. 80 к., на 5 м.—5 р., на 4 м.—4 р., на 3 м.—3 р., на 2 м.—2 р., на 1 м.—1 р. Городскіе годовые подписчики пользуются разсрочкой по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; иногородные годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 р., къ 1-му апрѣля—4 р. и къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно во всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года. За перемѣну адреса город. подписч., переходя въ иногородные, уплачиваютъ 50 к., а иногородные 30 к. При перемѣнѣ адр. просятъ прилагать печатный адресъ.

Такса за печатаніе объявленій: за одну строку въ столбцѣ или ея мѣсто: впереди текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; позади текста за первый разъ 20 к., за слѣдующіе разы по 10 к.

Телефонъ редакціи „Кіевлянинъ“ № 63.
Телефонъ крещатикскаго отдѣленія конторы „Кіевлянина“ (Книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина) № 770.
Телефонъ типографіи И. Н. Кушнеревъ и К° № 89.

Слѣдующій номеръ газеты, по случаю праздника Рождества Христова, выйдетъ въ четвергъ, 28 декабря.



26 декабря 1906 года, въ полугодовой день кончины

Юліи Семеновны

ДЕХТЕРЕВОЙ,

во Флоровскомъ монастырѣ, въ 9½ часовъ утра, отслужена будетъ заупокойная литургія, а по окончаніи ея панихида. Р21792



Карточки и служебные билеты въ конвертахъ со штемпелемъ Кіевской Маріинской общины Краснаго Креста для Командующаго войсками округа и Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ - Губернатора В. А. СУХОМЛИНОВА замѣняютъ вполнѣ личное посѣщеніе въ день Новаго Года. к 3-4 00

Помощникъ Командующаго Войсками генералъ-лейтенантъ

ШМИТЪ

присылку карточки въ конвертѣ Маріинской Общины Краснаго Креста принимаетъ за поздравительный визитъ. 1-3 2135

# Рождественскій номеръ.

⁂

Христосъ! Твоего воплощенія чудо
Поймемъ ли мы въ эти позорные дни,
Когда торжествуетъ безстыдно Іуда
И слышатся дикіе крики: «распни»?
Твой чистый завѣтъ, освященный любовью,
Кто въ силахъ душою теперь воспринять,
Когда, обагренная братскою кровью,
Во тьмѣ задыхается родина-мать?
И жизни народной устои святые
Колеблетъ измѣнниковъ черная рать,
И дѣлу единства и славы Россіи
Такъ тяжко служить, такъ легко умирать?..
Ужель изъ всего, что въ вѣкахъ сохранили
Отъ дней тѣхъ великихъ для насъ письмена,
Единымъ отзвукомъ евангельской были
Теперь воплотилась Голгофа одна?

К. Смаковскій.

## Видѣнье императора.

Зельмы Лагерлефъ.

(Съ шведскаго).

Это было во времена царствованія Августа въ Римѣ, а Ирода въ Іерусалимѣ.

Тогда именно случилось, что снизошла на землю великая и святая ночь. Это была самая темная ночь, какую когда либо видѣли; можно было подумать, что земля сокрылась подъ сводомъ какого-то громаднаго погреба. Невозможно было отличить моря отъ суши, и не трудно было заблудиться на самой знакомой дорогѣ. Да и не могло быть иначе, такъ какъ съ неба не доходило до земли ни одного луча свѣта. Звѣзды остались въ своихъ убѣжищахъ, а привѣтливый мѣсяцъ спрятался за тучи.

Одновременно съ темнотой настала полная тишина и спокойствіе. Рѣки перестали течь, не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія воздуха, даже осиновый листъ перестал трепетать. Если-бы кто-либо прошелся по берегу моря или по пустынѣ, то могъ-бы замѣтить, что волны не разбиваются о берегъ, а песокъ не скрипитъ подъ ногами. Все кругомъ было неподвижно и какъ будто окаменѣло, для того чтобы не нарушить тишины святой ночи. Трава перестала рости, роса не выпадала, цвѣты не смѣли благоухать.

Въ эту ночь хищные звѣри не преслѣдовали своей добычи, змѣи не жалили, собаки не лаяли. А всего замѣчательнѣе было то, что даже неодушевленные предметы не хотѣли нарушать святости ночи и служить орудіемъ для дурного дѣла. Ни одна отмычка не была въ состояніи взломать замокъ и ни одинъ ножъ не могъ пролить крови.

Именно въ эту ночь въ Римѣ изъ императорскихъ покоевъ на Палатинѣ вышла небольшая кучка людей и направилась черезъ Форумъ вверхъ, къ Капитолію. Какъ разъ къ концу этого дня сенатъ спрашивалъ у императора позволенія воздвигнуть ему храмъ на священномъ холмѣ Рима. Но Августъ не сразу согласился. Онъ не зналъ, будетъ-ли угодно богамъ, чтобы онъ вблизи ихъ храмовъ имѣлъ свой храмъ, и потому императоръ отвѣтилъ, что сперва хочетъ принести ночную жертву своему геніюпокровителю и такимъ образомъ узнать его мнѣніе. И теперь это былъ онъ, который съ нѣсколькими приближенными отправлялся принести эту жертву.

Августа несли въ носилкахъ, потому что онъ былъ старъ, и ему было трудно подняться по высокимъ ступенямъ Капитолія. Онъ самъ держалъ ящикъ съ голубями, предназначенными для жертвы. Его не сопровождали ни жрецы, ни стража, ни сенаторы, а только самые близкіе друзья. Впереди шли факельщики, освѣщавшіе дорогу, а сзади рабы, несшіе треножный жертвенникъ, угли, ножи, священный огонь и все прочее, необходимое для совершенія жертвы.

По дорогѣ императоръ весело разговаривалъ со своими приближенными, потому никто и не замѣтилъ необыкновенной тишины и безмолвія ночи. Наконецъ, когда они достигли верхней части Капиталія, гдѣ находилось пустое мѣсто, предназначенное для новаго храма, всѣмъ стало ясно, что надвигается нѣчто необыкновенное.

Ночь не была такая-же, какъ всѣ остальныя: творилось кругомъ что-то особенное; такъ, они замѣтили на краю скалы какой-то странный предметъ. Сначала они подумали, что это былъ старый, обветшавшій оливковый стволъ, затѣмъ рѣшили, что это древнее, каменное изображеніе изъ храма Юпитера забралось по скаламъ сюда. Наконецъ, они увидѣли, что это была старая Сибилла.

Никто еще не видалъ никогда чего-либо столь древняго, ветхаго, почернѣвшаго отъ непогоды, громаднаго... Эта старая женщина внушала ужасъ. Если-бы съ ними не было императора, то всѣ они удрали-бы домой въ свои кровати.

—Это она, шепталъ одинъ другому—она, которая считаетъ свои годы, какъ песчинки на берегу заливовъ ея родины. Почему какъ разъ въ эту ночь вышла она изъ своей пещеры?

Что ей за дѣло до императора и имперіи, ей, которой пророчества записаны на листьяхъ деревъ, такъ что вѣтеръ приноситъ ихъ тому, кому они предназначены.

Они были такъ испуганы, что всѣ упали бы на колѣни и коснулись бы лбами земли, если бы Сибилла хотя бы двинулась. Но Сибилла сидѣла недвижимо, точно замерла на мѣстѣ. Она вся скорчилась на краю скалы и, затѣняя рукою глаза, всматривалась въ ночь. Она точно пришла сюда на возвышеніе, чтобы лучше видѣть то, что дѣлается вдали. Сибилла могла, значитъ, видѣть что-то въ такую ночь.

Въ это самое мгновеніе императоръ и его приближенные замѣтили, какъ непроницаема была тьма. На шагъ впередъ ничего не было видно. И какая тишина, какое безмолвіе! Даже глухой шумъ Тибра не доносился до нихъ. Воздухъ какъ будто хотѣлъ ихъ задушить; холодный потъ выступалъ на лбу, руки безсильно опустились: имъ казалось, что сейчасъ произойдетъ что-то ужасное.

Но никто не хотѣлъ выказать своего страха, и всѣ говорили императору, что это доброе предзнаменованіе: все въ природѣ сдерживаетъ дыханіе, какъ-бы привѣтствуя новаго бога.

Они убѣждали Августа принести жертву, потому что старая Сибилла, вѣроятно, вышла изъ своей пещеры привѣтствовать его генія-покровителя.

Но въ дѣйствительности, старая Сибилла была такъ захвачена вся своимъ видѣніемъ, что даже не знала о присутствіи Августа на Капитоліи. Она духомъ перенеслась въ далекую страну, гдѣ ей казалось, что она идетъ по широкой равнинѣ. Въ темнотѣ, она безпрестанно спотыкалась ногами о что-то похожее на небольшіе холмики земли. Она нагнулась и стала ощупывать ихъ рукой. Нѣтъ, это были не холмики, а овцы. Она шла среди громаднаго спящаго стада овецъ.

Вотъ Сибилла замѣтила костеръ, который развели пастухи. Онъ былъ какъ разъ посрединѣ поля, и она направилась туда. Пастухи расположились вокругъ огня и спали; возлѣ нихъ лежали ихъ длинные острые посохи, которыми они защищали стада отъ хищныхъ звѣрей. Но эти звѣри съ пушистымъ хвостомъ и огненными глазами, развѣ это не были шакалы? Однако, пастухи не бросали въ нихъ своихъ посоховъ, собаки продолжали спать, овцы не убѣгали, и хищные звѣри мирно ложились на отдыхъ невдалекѣ отъ людей.

Все это видѣла Сибилла, но не знала, что происходитъ за ней, на горной возвышенности. Она не знала, что тамъ воздвигали жертвенникъ, что раздували угли и посыпали ихъ благовонными веществами; вотъ ужъ императоръ взялъ изъ клѣтки голубя для жертвы, но пальцы его до того обезсилили, что онъ не могъ удержать птицы: голубь взмахомъ крыльевъ освободился изъ его рукъ и тотчасъ исчезъ въ темнотѣ.

Всѣ придворные съ непріязнью взглянули на старую Сибиллу. Они думали, что она была причиной ихъ несчастья.

Развѣ они могли знать, что Сибилла витаетъ мысленнымъ взоромъ у тлѣющаго костра пастуховъ и прислушивается къ слабому дрожащему звуку, который раздавался въ мертвой тишинѣ ночи. Она давно его слышала, но не сразу замѣтила, что онъ шелъ не отъ земли, а изъ облаковъ. Наконецъ, Сибилла подняла голову и увидѣла блестящіе, мерцающіе облики, которые носились въ темнотѣ. Это были группы ангеловъ; они тихо, сладостно пѣли и тоже что-то искали, летая взадъ и впередъ надъ широкой равниной.

Въ то время, какъ Сибилла прислушивалась къ пѣнью ангеловъ, императоръ приготовился къ новому жертвоприношенію. Онъ умылъ свои руки, очистилъ жертвенникъ и велѣлъ подать себѣ второго голубя. Но хотя теперь онъ старался держать его покрѣпче, гладкое туловище голубя опять выскользнуло изъ его рукъ; птица вспорхнула и исчезла въ непроницаемой темнотѣ ночи.

Императора объялъ ужасъ. Онъ упалъ на колѣни передъ пустымъ алтаремъ и сталъ молиться своему генію-покровителю. Онъ призывалъ его на помощь, просилъ дать ему силу отклонить отъ себя то несчастье, которое предвѣщала ему эта ночь.

Но Сибилла и этого не слышала. Она всею душою прислушивалась къ пѣнью ангеловъ, которое становилось все громче и громче. Наконецъ, оно стало такимъ звучнымъ, что пастухи проснулись. Они поднялись на локти и увидѣли группы свѣтящихся серебристо-бѣлыхъ ангеловъ, плывущихъ вверху, въ темнотѣ, вереницами, подобно стаѣ перелетныхъ птицъ. Одни имѣли въ рукахъ лютни и скрипки, другіе цитры и арфы; ихъ пѣнье было радостно, какъ смѣхъ ребенка, и беззаботно, какъ порханіе жаворонка. Когда пастухи все это услышали и увидѣли, они встали и отправились въ горное мѣстечко, откуда они были родомъ, чтобы разсказать тамъ о чудѣ. Они шли по узкой вьющейся, какъ змѣя, тропинкѣ, а взорами Сибилла слѣдовала за ними. Вдругъ на горѣ стало свѣтло. Большая ясная звѣзда запылала надъ ними, а городокъ заблисталъ на вершинѣ горы, какъ блеститъ серебро при звѣздномъ свѣтѣ. Всѣ ангелы, блуждающіе вокругъ съ ликующими возгласами, стали стремиться туда-же, и пастухи такъ ускорили свои шаги, что почти бѣжали. Когда они достигли городка, то увидѣли, что ангелы собрались надъ низкимъ сараемъ, возлѣ городскихъ воротъ. Это была бѣдная постройка подъ соломенной крышей; голая скала служила ей вмѣсто задней стѣны. Надъ ней остановилась звѣзда, и все больше и больше толпились около нея ангелы. Нѣкоторые опустились на крышу, а другіе на крутыя скалы за домомъ, иные носились въ воздухѣ. Высоко, высоко вверхъ пространство было освѣщено блестящими кругами летающихъ ангеловъ.

Въ то самое мгновеніе, когда звѣзда засвѣтилась надъ городкомъ, проснулась вся природа, и люди, стоявшіе на вершинѣ Капитолія, не могли этого не замѣтить. Они почувствовали, какъ свѣжій, ласкающій вѣтерокъ пронесся въ воздухѣ, какъ сладкое благоуханіе распространилось вокругъ нихъ, какъ деревья зашелестѣли листьями, какъ Тибръ вновь зажурчалъ, звѣзды засіяли, мѣсяцъ разомъ поднялся до середины неба и освѣтилъ весь міръ. Въ эту минуту изъ облаковъ спустились два голубя и сѣли на плечи императора.

При видѣ этого чуда Августъ поднялся съ гордою радостью, а его приближенные и рабы упали передъ нимъ на колѣни: «Ave Caesar!» воскликнули они, «твой геній покровитель тебѣ отвѣтилъ. Ты богъ, которому должно молиться на высотѣ Капитолія!»

И поклоненіе, какимъ эти возбужденные люди привѣтствовали императора, было такъ громко, что старая Сибилла услыхала его. Это заставило ее проснуться отъ своихъ видѣній. Она поднялась со своего мѣста на скалѣ и подошла къ людямъ. Похоже было, точно туманъ поднялся изъ пропасти, чтобы обрушиться надъ вершинами горъ. Она устрашала своимъ возрастомъ. Спутанные волосы спадали рѣдкими прядями съ ея головы, суставы выпячивались, а потемнѣвшая кожа обтягивала тѣло, какъ кора, морщина на морщинѣ.

Властно и повелительно подошла она къ императору. Одной рукой Сибилла схватила его за кисть, а другой указала на далекій востокъ.

—Смотри! повелѣла она ему, и императоръ открылъ глаза и взглянулъ. Пространство разступилось передъ нимъ, и взоры его проникли въ далекій востокъ. Онъ увидѣлъ жалкій сарай съ голой скалой, вмѣсто стѣны, а въ открытой двери нѣсколько колѣнопреклоненныхъ пастуховъ. Въ сараѣ онъ замѣтилъ молодую мать на колѣняхъ передъ маленькимъ ребенкомъ, который лежалъ на землѣ, на связкѣ соломы.

И Сибилла указала своими костлявыми пальцами на этого ребенка.

«Ave Caesar!» сказала Сибилла съ надменнымъ смѣхомъ: «вотъ Богъ, которому будутъ поклоняться на вершинахъ Капитолія!»

Августъ отскочилъ отъ нея, какъ отъ безумной.

Но на Сибиллу снизошелъ уже могущественный духъ ясновидѣнія. Ея тусклые глаза зажглись вѣщимъ огнемъ, ея руки поднялись вверхъ, голосъ измѣнился и сдѣлался настолько громкимъ и сильнымъ, что прозвучалъ отъ одного края свѣта до другого. И она произнесла слова, которые, казалось, прочла въ звѣздахъ.

—Отнынѣ будутъ молиться на высотахъ Капитолія обновителю міра Христу или Антихристу, но не бреннымъ людямъ!

Сказавши это, Сибилла вышла изъ рядовъ испуганныхъ людей, медленно спустилась съ высоты и исчезла.

Августъ на слѣдующій же день строго воспретилъ народу воздвигать ему храмъ на Капитоліи; вмѣсто него онъ построилъ святилище въ честь народившагося Бога-ребенка и назвалъ его «Небеснымъ жертвенникомъ», Ara Coeli.

## БЕЗСМЕРТНАЯ ГОЛОВА.

Святочный разсказъ

Ю. В. Ревякина.

I.

Мятель разыгралась не на шутку, настоящая декабрьская. Въ чистомъ полѣ прохватывалъ холодный вѣтеръ, а кругомъ, куда ни глянь, виднѣлась только одна бѣло-сѣрая муть. Мело сверху и снизу, всѣ дороги давно покрылись толстымъ слоемъ снѣга. Чуть приближались сумерки, небольшія вѣхи, облѣпленныя снѣгомъ, исчезли на бѣломъ, безжизненномъ и ровномъ какъ скатерть полѣ. Съ каждой минутой ѣхать было тяжеле, мохнатыя, низкорослыя лошаденки очевидно выбились изъ силъ.

—Кто его знаетъ, гдѣ мы сегодня будемъ! поворачивая ко мнѣ посинѣвшее и покрытое инеемъ лицо, сказалъ кучеръ.

—Должны въ мѣстечкѣ быть, куда ты взялся доставить, отвѣтилъ я.

—Это вѣрно, только мы съ дороги сбились, а мятель, какъ видите, слѣпитъ глаза. Эхъ, не люблю я этихъ полей!... Чистое горе на нихъ зимою, не то что лѣсъ божій... Ну, ну!.. Лошади тронулись, сани со скрипомъ рѣзали снѣгъ, оставляя послѣ себя глубокую колею. Послѣ часовой прескверной ѣзды, лошади остановились передъ опушкой огромнаго сосноваго лѣса.

—Ну вотъ тебѣ и лѣсъ божій, съ удовольствіемъ замѣтилъ я, прислушиваясь къ глухому шуму сосенъ.

—Слава Богу, нѣсколько разъ повторилъ мужикъ, я этотъ лѣсъ знаю и теперь мы не пропадемъ, а я, ей Богу, думалъ уже, что мы замерзнемъ въ полѣ, какъ замерзли въ прошломъ году два подольскихъ купца вмѣстѣ съ балагулой... Только черезъ недѣлю отыскали въ оврагѣ... Ну хорошо, куда же мы попадемъ?.. Въ мѣстечко не попадемъ, развѣ завтра днемъ, въ лѣсу ночевать не удобно, хоть и можно... Кучеръ, привыкшій ко всякимъ бѣдствіямъ въ пути, разсуждалъ совершенно хладнокровно. Взяться влѣво подъ лѣсомъ... хмъ, а если Червоное вправо? Вотъ задача... Теперь ежели взяться вправо, а Червоное будетъ налѣво... А ну, ну, поворачивайте на Червоное, вдругъ съ какимъ-то необычайнымъ ожесточеніемъ закричалъ кучеръ, размахивая кнутомъ. Лошаденки подумали и повернули направо.

—Ну, значитъ, будемъ въ Червономъ...

—Да что это за Червоное? не безъ раздраженія спросилъ я. Всякій повѣритъ, что не особенно пріятно попасть не къ добрымъ друзьямъ, ожидавшимъ меня съ нетерпѣніемъ въ своемъ уютномъ домикѣ, а въ какое-то Червоное...

—Это, видите-ли, былъ когда-то графскій дворецъ, и жилъ тамъ самъ старый графъ Лоринъ, наслѣдники давно перевели всю экономію въ другое имѣніе, домъ тамъ побогаче, а здѣсь въ Червономъ живетъ себѣ лѣсничій... хорошо живетъ, можно самоваръ достать...

—Отлично, такъ мы, значитъ, въ мѣстечко сегодня не попадемъ? желая придать какъ можно больше горечи своей ироніи, спросилъ я.

—Ой, Боже мой, конечно не попадемъ, точно обрадовавшись скороговоркой отвѣтилъ кучеръ, гдѣ тамъ!.. Слава Богу, что къ лѣсу прибились... а не то была-бъ мнѣ, Спиридову, крышка... Вотъ, если клячи вѣрно взяли вправо, такъ будемъ ночевать

въ Червономъ, а если нѣтъ.—то въ лѣсу.. До мѣстечка-же отъ этого Червонаго будетъ двѣнадцать верстъ, мѣряныхъ... Пришлось безропотно покориться судьбѣ. Я плотнѣе завернулся въ теплую бурку, надѣтую поверхъ полушубка, и погрузился въ какія-то смутныя мысли. Кто ѣздилъ въ зимнюю ночь, когда завываетъ сердитая мятель и кругомъ бушуетъ какое-то глухое, бѣлесоватое море, тотъ хорошо знаетъ, что думается одинокому путнику. Долго скрипѣли и ныряли сани, долго бесѣдовалъ кучеръ со своими клячами, возбуждая въ нихъ энергію; наконецъ сквозь стволы сосенъ прорвался веселый лучъ свѣта. Еще нѣсколько усилій и мы остановились возлѣ большихъ каменныхъ воротъ, наглухо запертыхъ и засыпанныхъ снѣгомъ. Послышался лай собакъ, собакъ было множество, при чемъ ожесточеніе ихъ возросло чрезвычайно быстро.

—Такъ зря во дворъ не полѣзешь, философски замѣтилъ Спиридонъ, могутъ на куски разорвать собаки, чтобъ они лучше издохли! А ну ка постучу... Отъ громкаго стука собаки пришли еще въ большее неистовство. Шумъ во дворѣ поднялся такой, что мертвые могли-бы услышать. Наконецъ какая-то небольшая черная фигура съ ружьемъ, или съ палкой на плечѣ появилась за воротами.

—Кто тамъ стучитъ? раздался не особенно дружелюбный, писклявый голосъ.

—Подорожніе, заблудились въ мятель, припадая лицомъ къ рѣшеткѣ, заговорилъ мой возница,—пустите, ради Христа, а не то совсѣмъ замерзнемъ.

—Подорожніе, какъ-бы раздумывая, пропищалъ голосъ,—а кто такіе будете?

—Съ вокзала везу барина; я, Спиридонъ-кучеръ, всегда вожу съ вокзала, и вашего лѣсничаго возилъ, онъ меня знаетъ.

—Такъ я пойду доложу.

Фигура заскрипѣла опять назадъ, по направленію къ огоньку, ярко горѣвшему въ одномъ изъ крайнихъ оконъ. Лѣсничій согласился пріютить странниковъ и, послѣ нѣкоторыхъ усилій, перебравшись черезъ огромный сугробъ, нанесенный мятелью у воротъ, я очутился въ большой передней, повидимому, очень стараго и причудливо построеннаго дома. Передняя отдѣлана была въ охотничьемъ вкусѣ, въ одномъ углу угрюмо выдѣлялось чучело огромнаго медвѣдя съ оскаленной пастью; масса всевозможныхъ роговъ украшала стѣны, между этими трофеями прошлаго блестѣли стволы старинныхъ ружей, богато украшенныхъ дорогой насѣчкой, кинжалы, рогатины и охотничьи трубы. Въ комнатѣ было очень тепло, но воздухъ, послѣ свѣжей зимней мятели, показался тоже какимъ-то старымъ, такъ пахнетъ иногда въ древнихъ архивахъ и музеяхъ. Лѣсничій, очень высокій и очень на видъ мрачный старикъ съ нѣмецкимъ, давно не бритымъ, лицомъ, встрѣтилъ меня, не выражая особеннаго гостепріимства.

—Вы заблудились? съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, проскрипѣлъ лѣсничій, какъ-то безнадежно кивнувъ своимъ удивительно длиннымъ и слегка скривленнымъ въ сторону носомъ.

—Такая непріятная исторія, отвѣтилъ я, простите за безпокойство.

—Ничего, ничего, переночевать можно... Устроишь ихъ въ кабинетъ, обратился лѣсничій къ человѣку, который отворялъ намъ ворота, велъ съ нами предварительные переговоры и проводилъ меня. Послѣ этого лѣсничій сказалъ еще нѣсколько словъ, пожелалъ мнѣ спокойной ночи и удалился.

Не безъ нѣкотораго неудовольствія окинулъ я еще разъ его высокую и сухую фигуру, остроконечную голову, украшенную какой-то вязаной ермолкой, и длинный сюртукъ на мѣху, съ костяными пуговками величиной въ добрый пятакъ.

—Пожалуйте за мной, засуетился человѣчекъ,—вотъ сюда, направо...

Комната, предназначенная мнѣ для ночлега, оказалась тоже очень старинной на видъ и интересной. Большое венеціанское окно выходило въ паркъ, съ правой стороны, при свѣтѣ довольно закопченной керосиновой лампы, принесенной человѣчкомъ, я увидѣлъ великолѣпный старинной работы каминъ съ часами, на стѣнахъ висѣли запыленные портреты, темныя, чуть видныя лица екатерининской и павловской эпохи. Мебель была огромная,—вольтеровскія кресла, диваны, широкіе съ высокими спинками, обитые какой-то особенной тисненой кожей. Мелкихъ вещей на письменномъ столѣ, отдѣланномъ бронзой, и на полкахъ, покрытыхъ слоемъ пыли, не было, что придавало кабинету нежилой и неуютный видъ. Только при свѣтѣ лампы присмотрѣлся я къ своему юркому и чрезвычайно подвижному спутнику. Кажется, никогда въ жизни не видѣлъ я ничего болѣе оригинальнаго. Передо мной семенилъ и суетился худощавый старичекъ, почти карликъ, съ очень большой головой, совершенно лишенный по краямъ всякой растительности, только на затылкѣ и темени виднѣлся тонкій желтоватый пушекъ, въ родѣ такого, какой бываетъ на молодыхъ гусятахъ. Небольшой вздернутый носъ помѣщался надъ крупными, добродушно-веселыми губами, по обѣимъ-же сторонамъ этого поистинѣ микроскопическаго носа довольно бойко блестѣли узко прорѣзанные карые глаза, окруженные цѣлой сѣткой глубокихъ морщинокъ. Тамъ, гдѣ должны быть усы и борода, у карлика не было ничего,—голая желтая кожа, похожая на пергаментъ. Складывая въ углу мои вещи, вынутыя изъ саней, карликъ сопѣлъ, кивалъ головой и добродушно улыбался. Улыбка у него была замѣчательная,—губы раздвигались при этомъ почти до ушей, обнаруживая высокія красныя десна и два ряда желтыхъ зубовъ, нѣсколько отдаленныхъ другъ отъ друга. Благодаря этому, при каждой улыбкѣ карлика мнѣ казалось, что у него во рту вдвое больше зубовъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у человѣка.

—Вотъ я вамъ сейчасъ каминъ затоплю, чтобъ тепленько было, пропищалъ карликъ,—и самоварчикъ можно будетъ тутъ-же подогрѣть.

—А позволитъ-ли лѣсничій? онъ у васъ что-то не особенно привѣтливый, замѣтилъ я...

—О нѣтъ, качая своей огромной головой, отвѣчалъ карликъ,—нашъ лѣсничій хорошій баринъ, очень добрый... Нравъ у него такой съ виду суровый... Прежде онъ былъ веселѣе, только какъ жена его, старушка, померла отъ страху, такъ онъ съ тѣхъ поръ насмурный ходитъ... Прежде, бывало, иногда засмѣется, а теперь—ни-ни...

—Почему вы сказали, что жена его померла отъ страху?

—Случай такой былъ... О... не стоитъ къ ночи разсказывать, махнувши маленькой мышиной ручкой, отвѣтилъ карликъ и опять засмѣялся, показывая свои безчисленные желтые зубы.

Пока карликъ ходилъ за дровами и самоваромъ, я осматривалъ въ глубокой тишинѣ комнату; не знаю почему съ каждой минутой она мнѣ казалась все неуютнѣе и мрачнѣе. Какое-то холодное, непривѣтливое, старье окружало меня... и нужно-же было судьбѣ предоставить мнѣ все это вмѣсто свѣтлой, жизнерадостной столовой моего друга, гдѣ ярко горѣла чудная лампа и всегда подавался такой вкусный ужинъ, а послѣ ужина начиналась мирная бесѣда за стаканомъ хорошаго вина...

Вскорѣ, благодаря хлопотамъ карлика, отличные березовые дрова запылали въ каминѣ, зашумѣлъ небольшой самоварчикъ. Я добылъ изъ своей охотничьей корзины флягу съ ромомъ и съѣстные припасы, часть которыхъ была заготовлена для предстоящей облавы. Солидный серебряный стаканчикъ рома карликъ выпилъ съ необычайнымъ удовольствіемъ. Онъ зажмурилъ при этомъ свои узкіе, добродушные глаза, чмокалъ губами, улыбался и качалъ головой, какъ ребенокъ, отвѣдавшій сладкое для него материнское молоко.

—Охъ, хорошій ромъ,.. прошепталъ онъ, —грѣетъ старую кровь и столѣтнія косточки!..

—Да развѣ вы такой старый? спросилъ я.

—О... семьдесятъ шесть лѣтъ на плечахъ!..

—Удивительно, подумалъ я, какъ иногда хорошо сохраняются такіе маленькіе, сухощавые люди...

—Да, да, улыбался карликъ, семьдесятъ шесть, а живу здѣсь въ этомъ домѣ пятьдесятъ шесть лѣтъ... Много времени, много, и пролетѣло, какъ одинъ денекъ! Лѣсничему Петерсону Карлу Ивановичу, знаете, сколько лѣтъ? Восемьдесятъ четвертый... Шестьдесятъ лѣтъ со своей женой жилъ, вотъ какіе... смерть отъ насъ отказывается. Второй стаканчикъ рома еще благотворнѣе повліялъ на карлика.

—Какъ ваше имя? спросилъ я.

—Захарка Толкуновъ, изъ Москвы я родомъ, а графы меня сюда прислали въ крѣпостное время... Давно это все дѣлалось.

—Отчего, Захарій, сказали вы, что жена лѣсничаго умерла отъ страху?

—Угу, гу... пропищалъ Захарій, если я вамъ начну разсказывать, будетъ и вамъ жутко въ этомъ домѣ...

—Ну, ну, разсмѣялся я, пожалуйста, разскажите, въ такихъ старыхъ мѣстахъ всегда бываетъ что нибудь особенное...

—Да, протянулъ карликъ, задумчиво устремивъ свои глазки на пылающіе дрова, бываетъ, бываетъ... Онъ повидимому умолкъ, готовясь къ разсказу; глубокая тишина царила въ старомъ домѣ, только слышно было, какъ за венеціанскимъ окномъ бушевала свирѣпая мятель, завывая въ вѣтвяхъ близко растущихъ столѣтнихъ деревьевъ.

—Было это, началъ карликъ, проводя своей маленькой ручкой по голому черепу, лѣтъ восемьдесятъ, а можетъ и девяносто тому назадъ. Жилъ въ этомъ домѣ дѣдушка нашего нынѣшняго графа. Графъ Платонъ Ивановичъ Лоринъ... Человѣкъ это былъ такой, какихъ уже нынче нигдѣ не встрѣтите, нигдѣ. Росту огромнаго, силы необычайной. Рубли гнулъ какъ воскъ, одинъ съ рогатиной на медвѣдя ходилъ. Вонъ тѣ чучела, что въ передней стоятъ, это—его добыча.

Облѣзли немного отъ времени, а все еще держатся и наслѣдники ихъ берегутъ, потому что память они составляютъ... Жилъ этотъ графъ страсть какъ буйно и широко... Музыкантовъ держалъ цѣлую капелію, охотниковъ разныхъ, псарей, доѣзжачихъ, стрѣлковъ великолѣпныхъ былъ цѣлый полкъ. Пировалъ графъ такъ, что всѣ села кругомъ тряслись.

Страсть, страсть, что онъ выдѣлывалъ, и, однимъ словомъ, ни въ чемъ ему не было препятствія. А больше всего ухаживалъ графъ за женскимъ поломъ и гонялся за разными красавицами; во всѣхъ дворцахъ у него по этой части настоящіе цвѣточки были. Комедіантокъ дѣлалъ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и одѣвалъ въ разныя заграничныя платья. Жену свою несчастную графъ загналъ прямо въ гробъ, потому что не могла она стерпѣть всѣхъ его исторій... Ну, вотъ гулялъ себѣ такъ графъ Платонъ Ивановичъ во все свое удовольствіе пока не попалась ему одна дѣвушка красавица изъ сосѣдняго села... Для всякаго мущины, кивая передъ каминомъ своей лысой и круглой какъ яйцо головой, замѣтилъ карликъ, есть на свѣтѣ женщина, изъ тысячъ будетъ одна и судьбу составляетъ и нельзя отъ нея уйти, а приноситъ она счастье, или погибель.

Больше уже сорока лѣтъ было графу, когда попалась ему его судьба, говорятъ такая была краля, что прохожіе останавливались смотрѣть на нее, а мать, когда разчесывала ей волосы, такъ ставила ее на скамеечку, длиннющая коса была русая-золотистая... Захватилъ графъ дѣвушку въ свои руки, хоть это и обошлось ему не дешево. Золотомъ и шелкомъ ее засыпалъ, какъ въ сказкѣ говорится, отдѣльный домъ ей построилъ и слугъ десятка два приставилъ: ѣшь, пей веселись, все есть чего душа проситъ... И вытребовалъ онъ изъ городовъ къ этой красавицѣ разныхъ учительницъ заморскихъ, чтобъ онѣ сдѣлали изъ нее настоящую барыню. Хотѣлъ обучить, а потомъ значитъ, жениться и графиней сдѣлать.

—Ну-съ вотъ тутъ-то судьба и выступила... Былъ у графа не то слуга, не то помощникъ какой чернокнижникъ и дьяволъ въ образѣ человѣческомъ. Съ лица, говорятъ, совсѣмъ черный былъ, а глазищи большіе точно двѣ луковицы и зубы такіе бѣлые, какъ у волка. Турокъ, должно-быть, или арапъ, кто его знаетъ. Ходилъ этотъ чернокнижникъ за графомъ какъ преданная собака, много, говорятъ, онъ разныхъ штукъ производилъ для его потѣхи. Умѣлъ сонныя зелья составлять и дѣвушекъ сумашедшими дѣлать...

Вотъ приходитъ разъ этотъ чернокнижникъ къ графу и говоритъ ему.

—Вычиталъ я по звѣздамъ вамъ большую непріятность. А графъ вѣрилъ ему какъ Богу.

—Что такое? спрашиваетъ.

—Такъ и такъ, не вѣрна вамъ, ваше сіятельство, говоритъ, ваша красавица. Графъ такъ и закипѣлъ, а нравъ у него былъ, извѣстно, бѣшеный, не зналъ удержу...

—Убью, говоритъ, коли врешь!.. Съ кѣмъ, спрашиваетъ, она мнѣ невѣрность оказываетъ? А проклятый чернокнижникъ доказываетъ.

—Красавица ваша любитъ кучера Петьку Кудряваго, вотъ какъ!..

Любовь, значитъ, не смотритъ на роскошь и золото, нельзя ее купить ни знатностью, ни богатствомъ... Вотъ почему графская невѣста полюбила себѣ кучеренка молодого, чепоглазаго да чернокудраго... Тоже, говорятъ, замѣчательный былъ писанный красавецъ... И доказалъ таки арапъ свое чернокнижество. Подвелъ, разсказываютъ графа подъ окно какъ разъ въ ту минутку, когда красавица вся въ шелкахъ барскихъ роскошныхъ обнимала простого кучеренка и цѣловала его въ уста сладко...

А отъ этого вида самаго старый графъ почернѣлъ какъ ночь, повернулся отъ окна и ускакалъ домой. Тамъ съ чернокнижникомъ онъ держалъ совѣтъ... Вотъ въ зимній вечеръ, какъ разъ во время такой мятели какъ теперь, приказываетъ графъ запречь тройку вороныхъ коней. Тройка была какъ огонь, и правилъ ею всегда Петька Кудрявый. Поѣхалъ графъ со своимъ этимъ арапомъ въ мѣстечко, тамъ было какое-то, значитъ, гулянье, кавалерійскій полкъ стоялъ и устроилъ графъ съ его командиромъ разливное море... А чернокнижникъ проклятый все Петькѣ-кучеру подноситъ стаканами крѣпкія вина. Охмелѣлъ Петька. Въ полночь пожелалъ графъ домой вернуться.

—Погоняй, говоритъ, хорошенько, чтобъ птицей тройка летѣла!..

—Есть тутъ по дорогѣ изъ мѣстечка въ Червоное страшный яръ. Все равно какъ пропасть, а глубины будетъ саженъ двадцать. Вотъ, когда тройка летѣла надъ этимъ яромъ, вынулъ графъ неожиданно изъ рукава шубы пистолетъ, приложилъ его къ Петькиному затылку и выпалилъ. И не пикнулъ добрый молодецъ, кончилось его гулянье и любовь съ графской красавицей. Пистолетъ былъ маленькій, карманный, шипнулъ его графъ пулей какъ иголкой и столкнулъ въ яръ. Покатилось туда мертвое тѣло, а мятель засыпала его снѣгомъ; какъ покончили съ кучеромъ, такъ сейчасъ чернокнижникъ высѣкъ огня, зажегъ куски трута и заложилъ его воронымъ конямъ въ уши. Взбѣсилась тройка и понесла пустыя сани по чистому полю; домчалась она до слѣдующаго яра и грянулась туда на самое дно... А графъ со своимъ помощникомъ пришли домой пѣшкомъ, снѣгомъ засыпанные, насилу, говорятъ, спаслись, потому что кучеръ Петька пьянъ напился и распустилъ бѣшеныхъ лошадей...

Пропала тройка и пропалъ, значитъ, съ нею Петька Кудрявый. А графская красавица, какъ узнала, что Петька погибъ, такъ сейчасъ, поздней ночью, вышла въ одной рубашечкѣ на крыльцо, сѣла себѣ и замерзла тихонько. Утромъ нашли ее бѣдную...

И стало послѣ этого въ этомъ графскомъ дворцѣ тихо, какъ въ гробу...

II.

—Ну, хорошо, продолжалъ карликъ, качая своей странной головой передъ каминомъ, злое дѣло совершилось, а всякое зло имѣетъ себѣ наказаніе, если не на этомъ, то на томъ свѣтѣ. Петьку Кудряваго въ скорости, значитъ, нашли, нашли также разбитыя сани и замерзшихъ вороныхъ коней съ поломанными ногами. Съ Петькой слѣдствіе было короткое—дѣло казалось ясное—пьяный человѣкъ убился въ яру; да говорятъ, графъ не пожалѣлъ денегъ дать кому слѣдуетъ. Взяли его, по приказу графа въ отличномъ гробу съ пѣвчими всякими и народомъ и похоронили, какъ слѣдуетъ. Прошло послѣ этого случая немного времени, какъ вдругъ пошли себѣ въ народѣ какіе то разговоры, вотъ уже кое гдѣ, значитъ, поговариваютъ, что не чисто было дѣло съ Петькой кучеромъ. Хитрый, подлый человѣкъ былъ тотъ чернокнижникъ, приходитъ онъ разъ къ графу Платону Ивановичу и говоритъ по секрету.

—Дѣло наше, ваше сіятельство, кромѣ насъ еще одинъ человѣкъ знаетъ.

Поблѣднѣлъ графъ, затрясся какъ осиновый листокъ, потому что совѣсть его сильно мучила.

—Кто, спрашиваетъ, кромѣ Бога, да черной ночи, знать можетъ?

—Такъ-то, говоритъ арапъ, когда мы мимо яра ѣхали, въ сугробѣ завязъ было арендаторъ Янкель, онъ видѣлъ какъ вы, ваше сіятельство, пальнули изъ пистоля въ Петьку... все, однимъ словомъ, видѣлъ.

—Такъ что-же дѣлать?

—Жидъ ради денегъ все сдѣлаетъ...

—Позови, приказываетъ графъ, Янкеля. Поговорилъ графъ съ этимъ Янкелемъ запершись въ кабинетѣ и видно хорошую кучу денегъ далъ ему, можетъ не одну тысячу и поклялся Янкель страшной клятвой, что будетъ молчать до самой своей смерти. Прошло очень немного времени, вечеромъ неожиданно подкатываютъ почтовыя лошади... Цѣлое слѣдствіе въ своемъ составѣ явилось. Графъ былъ знатный человѣкъ, не очень то церемонился съ полиціей, а тутъ, вдругъ, оробѣлъ какъ будто и не было въ немъ прежняго, значитъ, форсу...

—Чѣмъ могу служить, спрашиваетъ, по какому дѣлу?..

—А вотъ, говоритъ графу слѣдователь, или исправникъ, или кто тамъ по чину былъ старшимъ есть секретное предписаніе, нужно не медля раскопать могилу кучера Петра Кудряваго, все тѣло его ножами и пилами разрѣзать и осмотрѣть точно, какъ ему смерть причинилась.

—Зачѣмъ вамъ, говоритъ графъ, бѣдное тѣло тревожить, отдохните лучше господа, погуляйте на славу и шабашъ.

—Кабы, говорятъ, отъ насъ зависѣло, мы бы съ удовольствіемъ, только приказъ идетъ отъ очень важнаго начальства, въ такомъ случаѣ нужно исполнить...

—Такъ раскапывайте себѣ, согласился графъ и, конечно, сейчасъ къ своему чернокнижнику.

—Плохо дѣло, братецъ мой, говоритъ, найдутъ въ петькиной головѣ мою пулю... Скверно будетъ, ой скверно!

—Пусть, отвѣчаетъ чернокнижникъ, вынимаютъ тѣло, а вы, ваше сіятельство, предложите всему этому слѣдствію пиръ хорошій на вечеръ... А пусть рѣзать его, это тѣло, начнутъ себѣ завтра... Выкопали не медля бѣднаго Петьку, лежитъ онъ въ гробу какъ живой, лицо бѣлое, спокойное, брови черные, будто спитъ себѣ тихонько...

Вотъ графъ Платонъ Ивановичъ говоритъ.

—Зачѣмъ вамъ, господа, на ночь съ этимъ тѣломъ мертвымъ возиться, отложите на утро, днемъ все виднѣе будетъ, а теперь, молъ, пожалуйте ко мнѣ на закусочку. Конечно, устроена была такая закусочка, что весь домъ засіялъ огнями какъ солнце. На хорахъ музыканты гремятъ, дѣвушки пляшутъ, дорогія вина рѣкой льются. Ой, ой, какой пиръ былъ! всѣ напились мертвецки пьяными, весь домъ, какъ говорится, и господа, и кучера, и слуги всѣ, и музыканты, и повара, и поваренки... Только одинъ изъ всѣхъ чернокнижникъ пьянъ не былъ. Поздно утромъ проснулось слѣдствіе съ похмелья; конечно, туманъ въ головахъ стоитъ, кое какъ оправились, идутъ къ мертвому тѣлу...

—Что такое! испугались всѣ, головы у мертваго тѣла нѣтъ!..

—Вчера, какъ раскапывали тѣло, голова была?

—Должно быть была, отвѣчаетъ стража...

—Куда-жъ она дѣлась?

—Не можемъ знать, отвѣчаетъ стража, вы приказали намъ за ваше здравіе водку пить, такъ мы пьяны были... Можетъ собаки отгрызли и утащили, потому что возлѣ тѣла, какъ стояло оно, значитъ, подъ навѣсомъ, кругомъ только одни собачьи слѣды видно... Темное, однимъ словомъ, дѣло вышло. Главное, все начальство въ дуракахъ осталось, тутъ имъ было строго приказано немедленно слѣдствіе сдѣлать, а они съ графомъ пиръ горой затѣяли. Ну, нечего дѣлать, покрутили хорошенько головой, переговорили между собой, перешептались, тѣло какъ наилучше порѣзали на куски, потомъ сшили, въ гробъ заколотили, ничего, молъ, не доказано особенно, человѣкъ упалъ съ пьяна, пришибся и, какъ слѣдуетъ, значитъ, замерзъ. Устроилъ графъ на прощанье еще одинъ обѣдъ знатный, всѣмъ награду крупную далъ и кончено все...

Успокоился немного графъ, спрашиваетъ своего чернокнижника.

—Какъ ты, другъ мой лучшій, все это устроилъ?

—Одинъ я, отвѣчаетъ чернокнижникъ, со всѣмъ справиться не могъ, а такъ какъ Янкель уже дѣло знаетъ, такъ я его помощникомъ взялъ и нужно ему ваше сіятельство, конечно, награду дать...

—А куда же, спрашиваетъ графъ, она, голова эта, дѣлась?..

—Уничтожена, отвѣчаетъ чернокнижникъ, Янкель человѣкъ умный и вѣрный, закопалъ ее гдѣ нибудь такъ, что и самъ дьяволъ уже не отыщетъ. Опять получилъ Янкель себѣ не одну тысячу вмѣстѣ съ чернокнижникомъ, бросилъ онъ мелкую аренду послѣ этого, переѣхалъ въ мѣстечко и сталъ большимъ купцомъ...

Идетъ себѣ время, а графъ бродитъ по комнатѣ черный какъ туча, не можетъ онъ забыть ни Петьки несчастнаго, ни своей красавицы...

Вотъ разъ, лѣто уже настало, сидитъ графъ одинъ въ кабинетѣ надъ черными книгами, потому что онъ со скуки со своимъ арапомъ какія-то тайныя дѣла изучалъ. Есть на свѣтѣ такія разныя чародѣйства, пояснилъ карликъ, подбрасывая дрова въ каминъ, я, какъ поступилъ сюда, молодымъ еще былъ и грамоту понималъ, такъ эти книги еще на полкахъ и въ шкапахъ лежали. Большія книги, писанныя языкомъ невѣдомымъ, переплеты черные кожаные, а мѣдью и желѣзомъ окованы... Забрали ихъ послѣ наслѣдники и куда-то опредѣлили по своему желанью... Были въ этихъ книгахъ фигуры разныя дьявольскія, страшныя и были круги непонятные, ничего нельзя было разобрать, только страхъ поднималъ волосы на головѣ, когда къ нимъ приступалъ... Вотъ сидитъ это графъ, слышитъ: стукъ въ окно это большое!.. Карликъ указалъ своей маленькой рукой на венеціанское окно. Стукнуло и тихонько отворилось... А изъ темноты выплываетъ въ окно что-то бѣлое... Глянулъ графъ и закричалъ не своимъ голосомъ, потому что въ окнѣ показалась голова Петьки Кудряваго... Совсѣмъ какъ живая, глаза черные смотрятъ, кудри себѣ развѣваются... Прибѣжалъ сейчасъ чернокнижникъ.

—Что съ вами, ваше сіятельство. А графъ и отвѣчать не можетъ. Насилу опомнился.

—Видѣлъ, говоритъ, голову кучера Петра, въ окнѣ показалась. Что это значитъ? Читай звѣзды, читай книги, сейчасъ все мнѣ объясни...

А чернокнижникъ проклятый, сговорившись съ Янкелемъ, только и хотѣлъ этого. Объясняетъ онъ несчастному графу черезъ нѣкоторое время.

—Оказался, ваше сіятельство, Янкель большимъ подлецомъ, голову-то Петькину онъ не уничтожилъ, а сохранилъ ее съ пулей какъ она была, при помощи составовъ всякихъ. И, говоритъ этотъ самый Янкель, что онъ теперь никого не боится, а, ежели вы разъ на всегда голову эту не выкупите, такъ онъ ее тайнымъ путемъ и доносомъ пошлетъ самому важному начальству... Нужно, говоритъ, ваше сіятельство, голову выкупить.

—А много онъ хочетъ?

—Много, отвѣчаетъ чернокнижникъ.

—Сколько?

—Сто тысячъ золотомъ хочетъ, ваше сіятельство.

—Сто тысячъ, говоритъ графъ, ему дамъ, а пятьдесятъ тебѣ, ежели эту проклятую голову, завтра доставишь мнѣ сюда въ кабинетъ.

—Не повѣритъ онъ на слово, ваше сіятельство...

—Какъ, закипѣлъ графъ, на мое слово не повѣритъ?..

—Такъ точно, дѣло смертное очень...

Подумалъ графъ, подумалъ, посмотрѣлъ страшно на чернокнижника и говоритъ:

—Знаешь ты меня хорошо?

—Такъ точно, знаю ваше сіятельство, хорошо.

—Ну, такъ вотъ, отчаянный я теперь, скажи этому Янкелю, мое послѣднее слово, пусть безъ всякаго страху вмѣстѣ съ тобой явится, голову пусть принесетъ, а я ему часть золотомъ дамъ, а часть векселями собственными... Потому нѣтъ у меня сейчасъ такого запаса... И тебя, говоритъ, графъ оплачу... Чтобъ въ слѣдующую полночь здѣсь голова была... А нѣтъ, возьму пистолеты, всѣхъ васъ перестрѣляю и себя прикончу... Вотъ мое послѣднее графское слово, а моему слову нѣтъ перемѣны!..

Такъ и исполнилось все. Въ полночь глухую, когда все кругомъ мертвымъ сномъ спало, подъѣхалъ Янкель съ черной шкатулкой... Шкатулку эту, замѣтилъ карликъ, мнѣ послѣ показывалъ старикъ дворецкій лѣтъ тридцать тому назадъ, на чердакѣ она валялась, наслѣдники ее тоже, узнавши эту страшную исторію, куда-то на память взяли...

Получилъ Янкель, возвративши голову въ цѣлости, хорошія деньги и сейчасъ себѣ во всѣ лопатки удралъ, а графъ Платонъ Ивановичъ, заперся въ кабинетѣ съ чернокнижникомъ. Посмотрѣлъ онъ на Петькину голову, посмотрѣлъ, сохранилась она отъ всякихъ составовъ въ полной цѣлости, только, разсказываютъ, хитрый Янкель ей глаза стеклянные вставилъ и говоритъ.

—Руби ее на мелкіе кусочки. А чернокнижнику что? взялъ сейчасъ онъ, со стѣны большой кинжалъ турецкій, острый какъ бритва и порубилъ.

—Мельче руби! приказываетъ графъ.

Разсѣкли на мелкія кусочки.

—Теперь забирай, приказываетъ графъ, эти куски, идемъ на мельницу. А тутъ въ Червономъ за садомъ сейчасъ былъ когда-то прудъ огромный, теперь давно плотины растащило, небольшая только лужа осталась. И была возлѣ пруда мельница отличная. Пришли они на мельницу, глухой ночью, никого тамъ, конечно, кромѣ нихъ не было, подняли спусты, и, какъ только камень заработалъ, такъ сейчасъ несчастные остатки Петькиной головы, на мелкую муку измололи... Собралъ графъ эту пыль, высыпалъ ее подъ колесо.

—Теперь, говоритъ, уже ничего на свѣтѣ не боюсь?.. Кончены мои тревоги!.. А тревоги то не кончились, быстро поворачивая ко мнѣ свое безволосое лицо, многозначительно пропищалъ карликъ и затѣмъ добавилъ, таинственно понизивъ голосъ: Боюсь я, какъ бы и вамъ тутъ страхъ какой-нибудь не приключился-бы!...

—Э, Богъ милостивъ отвѣтилъ я, да при этомъ я бы и не отказался хоть разъ въ жизни увидѣть что-нибудь особенное,.. Разсказывайте, Захарій, дальше.

—Потому, началъ убѣжденно карликъ, часто бываетъ такъ, что обиженная душа человѣческая ищетъ себѣ правды среди живыхъ людей, послѣ смерти.

Измололъ графъ голову несчастнаго Петьки на мельницѣ, пыль подъ колесо въ самый омутъ высыпалъ, а кончится этому дѣлу не суждено было... Стало въ этомъ дворцѣ не спокойно... Начали разныя вещи сами собой падать. Картины со стѣнъ ночью срывались. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Ходитъ кто-то въ полночь по всѣмъ комнатамъ, тупъ, тупъ, тупъ... Стали двери сами собой отворяться... Посѣдѣла у графа голова и началъ онъ понемногу силы свои терять. Вдругъ схватится ночью, какія-то заклятія читаетъ, а не то зоветъ слугъ всѣхъ, сколько было, дѣлайте, кричитъ, обыскъ въ комнатахъ... Слуги бродятъ по комнатамъ ничего, конечно, найти не могутъ. Всѣхъ Петькиныхъ родственниковъ облагодѣтельствовалъ графъ, волю имъ далъ, землей надѣлилъ. Ничего не помогаетъ. Пріѣзжали священники дворецъ освящали, панихиды заупокойныя служили и все ничего!.. Чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе было въ домѣ. Разсказывали, кто тогда служилъ при дворцѣ, что въ полночь, значитъ, когда тьма кругомъ стоитъ, ходитъ какой-то синій огонекъ вездѣ. Такъ загорится себѣ и плыветъ потихоньку изъ одной залы въ другую, а послѣ вдругъ послышится стонъ какой-то. Жалобный такой, будто кто горько заплачетъ... А не то засмѣется отчаянно и трахнетъ какой нибудь вещью объ полъ, такъ что только кусочки посыпятся... Не выдержалъ графъ, рѣшилъ вмѣстѣ съ чернокнижникомъ своимъ за границу уѣхать, чтобъ тамъ себѣ черныя мысли разсѣять. Совсѣмъ уже собрался графъ, вещи уложили, деньги приготовили, распоряженья всѣ сдѣлали... Вотъ только, значитъ, утречкомъ лошадей подадутъ, и—въ путь-дорогу. Позднимъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда графъ Платонъ Ивановичъ, упокой Господь его грѣшную душу, что то писалъ за столомъ. Какъ вдругъ окно это самое—стукъ!.. Отворилось оно и пахнуло страшнымъ холодомъ, и видитъ графъ, выходитъ изъ темноты страшная голова Петьки кучера... Глаза смотрятъ, губы шевелятся:

—Никуда ты изъ этого дома уѣхать не можешь!.. Крикнулъ графъ не своимъ голосомъ, кто былъ во дворцѣ на ровныя ноги вскочилъ, а графъ какъ схватилъ пистолетъ, такъ и выпалилъ въ окно. Сбѣжались всѣ;—что такое, ваше сіятельство? спрашиваютъ.

А графъ только успѣлъ выговорить:

—Не пускаетъ меня, голова, не пускаетъ! и упалъ на коверъ уже мертвый. Сердце не выдержало и лопнуло у него отъ страха... А чернокнижникъ послѣ этого точно въ воду упалъ. Неизвѣстно, куда онъ дѣвался... Можетъ, убѣжалъ куда нибудь на свою родину, захвативши много, много графскихъ денежекъ...

А домъ этотъ, закончилъ карликъ, понынѣ нельзя назвать совершенно спокойнымъ. По временамъ, нѣтъ-нѣтъ, да и случится что нибудь нехорошее. Оттого-то и наслѣдники отъ него отказались, жить въ немъ не пожелали, выстроили себѣ въ другомъ имѣніи новый, веселый, отличный домъ...

—Вы же, сказали, Захарій, что и жена лѣсничаго отъ страху какого-то умерла.

—А какъ-же вы думаете, развѣ не отъ страху, встала она, будучи немного больной, вдругъ ночью, крикнула, съ постели вскочила, да на полу-то и скончалась?.. Нѣмецъ лѣсничій ничего не говоритъ, а я знаю, что ей показалась голова несчастнаго Петьки-кучера.

—А вы, Захарій, послѣ нѣкотораго молчанья спросилъ я, сами лично видѣли что нибудь?..

—Видѣть, благодареніе Богу, ничего не видѣлъ, потому что на мнѣ крестъ святой есть и каждый вечеръ Богу я усердно молюсь... а слышать—слышалъ, собственными ушами, убѣжденно отвѣтилъ карликъ.

—Что-же слышали?

—Слышалъ какъ что-то будто ходитъ... И слышалъ разъ, какъ застонало въ темной залѣ... А разъ душило меня въ полночь, только я проснулся и сейчасъ крестомъ себя осѣнилъ... Ну, да Богъ себѣ съ нимъ, куда ночь идетъ, туда пусть и эти страхи уходятъ. Заговорился я, заговорился а вамъ ужъ и отдохнуть пора!

Не особенно охотно отпустилъ я карлика и остался одинъ въ огромномъ мрачномъ кабинетѣ. Сонъ нѣкоторое время, не взирая на усталость, бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Фантазія разыгрывалась.

—А что думалось мнѣ, если-бы вдругъ раздались такіе глухіе мѣрные шаги, тупъ, тупъ, тупъ... двери отворяются со скрыпомъ... Плыветъ синій огонекъ, а подъ нимъ голова этого самаго Петьки Кудряваго... Испугался бы я? За венеціанскимъ окномъ по прежнему сильно стонала снѣжная мятель. Кругомъ было совершенно спокойно. Только гдѣ то въ углу робко заскребла мышь, но это было вовсе не такъ страшно...

И вспомнился мнѣ анекдотъ про одного нѣмецкаго пастора, онъ тоже разсказывалъ своимъ прихожанамъ какую то очень страшную исторію и, когда замѣтилъ, что многіе изъ его слушателей сильно встревожились, успокоительно закончилъ:

—Не очень пугайтесь, добрые друзья, это было давно, это было такъ давно, что, можетъ быть, никогда и не было...

# ЧОРТЪ.

Святочный разсказъ

**В. В. Романова.**

Въ прошломъ году въ праздникъ Рождества наше небольшое общество собралось у земскаго врача Николая Семеновича Веригина. Нигдѣ не проводилось такъ пріятно и незамѣтно время, какъ у этого стараго холостяка, много видѣвшаго въ своей жизни, много испытавшаго, немного циника, немного философа, горячаго спорщика, рѣзкаго на словахъ и въ сущности добрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка.

Въ карты у Веригина никогда не играли и, несмотря на это, не скучали: хозяинъ умѣлъ занять гостей интереснымъ разсказомъ изъ своего прошлаго, умной бесѣдой, остроумной шуткой...

Послѣ чаю слуга принесъ въ кабинетъ Веригина, гдѣ мы сидѣли, только что полученную почту, кто-то раскрылъ одинъ газетный листъ, другой, и отложилъ ихъ въ сторону съ недовольнымъ возгласомъ:—Все заполнено «святочными разсказами»... И когда выведется эта глупая привычка преподносить читателю въ праздничные дни нелѣпыя басни о всѣхъ этихъ «нечистыхъ силахъ», въ которыхъ больше смѣшного, чѣмъ страшнаго, о замерзающихъ и никакъ не могущихъ замерзнуть путникахъ, о несуществующихъ злодѣяхъ, устраивающихъ елки для «бѣдныхъ сиротъ», и прочей чепухѣ...

—Э, нѣтъ, не говорите, живо отозвался со своего покойнаго «холостяцкаго» кресла Верегинъ, пожилой толстякъ съ лысой головой и насмѣшливо-добродушнымъ лицомъ, —въ нихъ, въ этихъ «святочныхъ разсказахъ» есть свой смыслъ, глубокій смыслъ... Да-съ!..

Мы съ удивленіемъ взглянули на хозяина, а онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на насъ, какъ на маленькихъ дѣтей, которые еще многаго не знаютъ и которыхъ есть чему поучить...

—Веригинъ затянулся папиросой и медленно продолжалъ:—Безъ сомнѣнія, для каждаго изъ насъ праздничные дни имѣютъ свое особенное значеніе, они отрываютъ насъ отъ нашихъ повседневныхъ заботъ и мыслей, какъ-бы возвышаютъ надъ дѣйствительностью, говорятъ сердцу о свѣтлыхъ радостяхъ и побѣдахъ духа, дѣлаютъ насъ самихъ чище, лучше, добрѣе... Несомнѣнно, каждый праздникъ заключаетъ въ себѣ элементъ «чуда», и, какъ не извѣрились всѣ мы, каждый изъ насъ въ глубинѣ души жаждетъ этого чуда, хочетъ вѣрить въ него, хочетъ отрѣшиться, хотя на короткое время, отъ всего будничнаго, обыкновеннаго, надоѣвшаго и уйти въ міръ сказочнаго, создаваемаго воображеніемъ, таинственнаго, заманчиваго и жуткаго... И потому часто, отрицая праздники, мы въ то-же время какъ-бы переживаемъ все то, что происходило когда-то въ дали вѣковъ, словно становимся свидѣтелями рожденія Спасителя, поклоненія волхвовъ... Наша какъ-бы «встрепенувшаяся», если можно такъ выразиться, душа пріобрѣтаетъ особенную воспріимчивость, чуткость и впечатлительность... Мы способны тогда на великую любовь и вѣру, но и сомнѣнія никогда такъ сильно не грызутъ насъ, какъ въ эти дни... Наше душевное равновѣсіе становится весьма неустойчиво и довольно иногда какого-нибудь пустяка, внѣшняго случайнаго толчка, чтобы нарушить его, перевернуть вверхъ дномъ наше міросозерцаніе, наши взгляды и убѣжденія... И вотъ тутъ приходится переживать весьма интересныя настроенія, «праздничныя настроенія», когда гордый и сильный знаніемъ и умомъ человѣкъ дѣлается похожъ на ребенка, пугливо заглядывающаго въ дверь темной комнаты, манящей его заключающейся въ ней тайной... «Святочные разсказы» часто изображаютъ такія настроенія и потому-то они имѣютъ и смыслъ, и интересъ...

Веригинъ замолчалъ, всталъ, прошелся по комнатѣ, снова сѣлъ и сказалъ тихо, со своей обычной небрежно-насмѣшливой улыбкой.

—Я знаю, что мои слова несовсѣмъ вамъ понятны, но вы поймете меня, если я разскажу вамъ, что пришлось мнѣ разъ пережить и перечувствовать... Хотите?

Мы выразили полную готовность и желаніе выслушать его разсказъ и онъ началъ задумчиво и медленно, какъ-бы говоря съ самимъ собой.

—Давно это было... Я служилъ тогда въ Орѣховѣ, скучнѣйшемъ и противнѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ... Дѣла у меня было пропасть, я много читалъ, ходилъ на охоту... Ни у кого изъ орѣховцевъ я не бывалъ и ко мнѣ никто не заглядывалъ, хотя со всѣми я былъ знакомъ: меня не любили за то, что я не играю въ карты, не ухаживаю за барышнями... и за многое другое... Былъ у меня только одинъ пріятель... Звали его Соломинымъ,—онъ служилъ въ томъ-же земствѣ, гдѣ и я, но жилъ не въ самомъ Орѣховѣ, а на своемъ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ города, но видѣлся я съ нимъ почти каждый день.

Мы были товарищами по гимназіи, потомъ университетъ на время разлучилъ насъ, но, встрѣтившись въ Орѣховѣ, снова сошлись и стали друзьями. На самомъ дѣлѣ друзьями: мы не скрывали другъ отъ друга ничего и каждый изъ насъ зналъ другого, какъ самого себя... И ни съ кѣмъ не спорилъ я такъ много и горячо, какъ съ Соломинымъ, и ни въ чемъ мы никогда другъ съ другомъ не соглашались. Да и неудивительно:—я былъ матеріалистъ до мозга костей и ни во что не вѣрилъ, ну а онъ, Соломинъ, съ головой ушелъ въ оккультизмъ, спиритизмъ, признавалъ безсмертіе души, и «субстанцію» духа, и всякую метафизику. Я на женщинъ смотрѣлъ свысока и съ пренебреженіемъ, какъ на существа низшей организаціи, но былъ порядочнымъ «бабникомъ»,—Соломинъ-же благоговѣлъ предъ ними и былъ въ отношеніяхъ къ нимъ неисправимымъ Донъ-Кихотомъ... Но успѣховъ у женщинъ онъ не имѣлъ, да и не искалъ ихъ по своей застѣнчивости и громадному самолюбію, дѣлавшему его очень обидчивымъ, замкнутымъ въ себѣ и тяжелымъ въ обществѣ, въ которомъ бывалъ только тогда, когда въ Орѣховѣ затѣвался любительскій спектакль. Соломинъ имѣлъ недюжинный сценическій талантъ и славился искусствомъ гримироваться. Какъ

теперь вижу его предъ собой, хотя онъ давно умеръ. Маленькій, на тонкихъ ножкахъ, съ сумрачнымъ, начисто выбритымъ лицомъ и закрытыми темными очками глазами, сидитъ мой Иванъ Ивановичъ верхомъ на стулѣ и подперевъ голову худощавой рукой, говоритъ размѣренно и какъ-бы грустно о «потустороннемъ бытіи», о «сверхчувственныхъ», тайныхъ силахъ, осѣняющихъ своими темными крыльями жизнь человѣка.

Вотъ изъ за этого-то «сверхчувственнаго» и выходили у насъ чаще всего споры.

—Я не могу убѣдить тебя въ существованіи того, во что самъ вѣрю, что кромѣ видимаго нами міра существуетъ еще таинственный міръ явленій, недоступныхъ нашимъ чувствамъ и уму... Но ты повѣришь, когда самъ прійдешь въ соприкосновеніе съ ними, говорилъ мнѣ Соломинъ.

—А ты имѣлъ «соприкосновеніе» съ этимъ таинственнымъ міромъ... Съ чортомъ, напримѣръ? насмѣхался я надъ пріятелемъ.

—Пока—нѣтъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что я никогда не войду въ отношенія съ нимъ, спокойно отвѣчалъ Соломинъ.

—И на здоровье!—уже раздражаясь, говорилъ я и прибавлялъ не безъ ѣдкости:

—Ты не забудь представить мнѣ его... чорта-то!....

—Что-же, можетъ быть ты познакомишься съ нимъ и повѣришь въ него,—задумчиво отзывался Соломинъ, и глаза его при этомъ какъ-то странно блестѣли.

Веригинъ сдѣлалъ небольшую паузу и оживляясь продолжалъ:—Въ тотъ день, или вѣрнѣе вечеръ, когда это случилось со мной, былъ сочельникъ, я съ утра сидѣлъ дома и скучалъ: сильно чувствовалось одиночество, пробѣгали непріятныя мысли о томъ, что всѣ въ Орѣховѣ готовятся къ празднику, что всѣмъ онъ принесетъ что-нибудь съ собою, только я одинъ проведу его такъ-же, какъ провожу сегодняшній день, бродя изъ угла въ уголъ и машинально заглядывая въ окна, въ которыя былъ виденъ занесенный снѣгомъ пустырь.... Къ вечеру мнѣ стало нестерпимо сидѣть взаперти и видѣть глупую физіономію Ваньки, моего повара, лакея и разсыльнаго,—я вышелъ на крыльцо и стоялъ здѣсь, раздумывая, что мнѣ дѣлать, поѣхать-ли къ Соломину или засѣсть за работу.....

Смеркалось, пепельно-сѣрое небо нависло надъ землей, воздухъ былъ влажный, тяжелый, какъ бы сгущенный,—чувствовалось, что ночью будетъ снѣгъ.... Гдѣ-то вдали звякнулъ колокольчикъ, замолкъ и снова послышался, уже близко отъ улицы, гдѣ я жилъ....

—Неужто Соломинъ надумалъ пріѣхать,—обрадовался я, но то былъ не Соломинъ, а только посланный отъ него, привезшій мнѣ записку такого содержанія:—«Пріѣзжай немедленно! Посылаю лошадей».

—Не знаешь, что такое случилось у васъ на хуторѣ?—спросилъ я привезшаго записку мужика, топтавшагося на порогѣ моей столовой.

—Не... не знаю,—гнусавымъ голосомъ отвѣчалъ онъ, и мнѣ показалось, что вслѣдъ за этимъ посланный разсмѣялся въ бороду.

—Ты что-же, новымъ кучеромъ у Соломина,—допрашивалъ я его.

—Я наймитъ.... Петруха боленъ, значитъ боленъ, такъ я замѣсто его,—скороговоркой въ носъ произнесъ мужикъ и опять словно разсмѣялся.

Я присмотрѣлся къ нему: это была какая-то нелѣпая, смѣшная фигура, маленькая, сутуловатая и подвижная, съ мочальной, торчавшей впередъ бородкой и короткими руками, которыми обладатель ихъ, говоря что-нибудь, дѣлалъ предъ собою странныя круглыя движенія. Лицо его оставалось въ тѣни и я не могъ разсмотрѣть его, можно было только замѣтить, что оно похоже на печеное яблоко и украшено несоразмѣрно большимъ носомъ.

И одѣтъ онъ былъ такъ-же несуразно: высокія, не по ногамъ большія валенки, короткій полушубокъ, изорванная, громадная шапка и красный платокъ, тѣсно обвивавшій его шею.

—Вотъ сокровище,—подумалъ я, выходя въ другую комнату за шубой,—и гдѣ Соломинъ раздобылъ его...

—Что-жъ, поѣдемъ!—обратился я къ привезшему записку, возвращаясь въ столовую.

«Наймитъ» стоялъ теперь уже не у порога комнаты, а посрединѣ ея и, шмыгая носомъ, какъ-то «выстрѣлилъ» въ меня взоромъ своихъ острыхъ, какъ иглы, живыхъ и блестящихъ глазокъ, словно ожидалъ чего-то отъ меня или боясь чего-то...

—Чего тебѣ?—спросилъ я его.

Онъ ухмыльнулся и глупо разсмѣялся въ бороду, тряся головой.....

—Ступай! Я взялъ со стола всегда заряженный револьверъ и спряталъ его въ карманъ. «Наймитъ» почти побѣжалъ въ сѣни и я вышелъ вслѣдъ за нимъ. Онъ примостился на край козелъ, чмокнулъ губами и мы тронулись.

—Какъ тебя зовутъ? спросилъ я своего возницу, когда мы оставили городъ за собой и какъ-бы потонули въ полумракѣ пустого, бѣлаго поля.

—Какъ звать-то? Аникіемъ, Аникіемъ, нараспѣвъ проговорилъ кучеръ и прибавилъ ни къ селу, ни къ городу, съ прежнимъ смѣшкомъ въ бороду: Есть у меня братъ, такъ его зовутъ Анастасіемъ.

—Совсѣмъ дуракъ какой-то! сказалъ я себѣ и сталъ думать о томъ, что заставило Соломина прислать за мной. Мнѣ хотѣлось поскорѣе попасть на хуторъ, а мы едва плелись.

—Подгоняй лошадей! нѣсколько разъ приказывалъ я Аникію. Онъ дергалъ возжами, чмокалъ губами, но лошади не прибавляли шагу. Дорога была тяжелая, снѣгу за зиму навалило пропасть, но въ немъ были глубокіе ухабы, въ которыхъ, какъ въ волнахъ, ныряли сани. На каждомъ ухабѣ меня отбрасывало назадъ и больно толкало при этомъ о задокъ саней, я хватался рукой за поясъ Аникія, онъ чуть не падалъ на мои ноги и все смѣялся своимъ глупымъ смѣхомъ. Все это раздражало меня и я съ трудомъ удерживался, чтобы не выбранить кучера за его неумѣстную веселость. Но вотъ мы выбрались на болѣе ровную дорогу и поѣхали быстрѣе. Я закутался въ шубу, поднялъ воротникъ въ защиту отъ начавшаго падать снѣга, закрылъ глаза...

—Ишь, какъ дѣйствуетъ,—неожиданно проговорилъ Аникій серьезнымъ тономъ.

—Кто дѣйствуетъ?—не понялъ я его.

—Смотри, баринъ, направо, что дѣлается въ «Замкѣ».... Хо-хо-хо!—Загоготалъ онъ радостно и заерзалъ на козлахъ.

«Замкомъ» назывались развалины стоявшаго въ разстояніи версты отъ дороги громаднаго дома.... Здѣсь была когда-то помѣщичья усадьба, принадлежавшая двумъ братьямъ—полякамъ, но теперь отъ нея всего оставалось нѣсколько стѣнъ и кусокъ грозившей упасть крыши. Въ «Замкѣ» давно уже никто не жилъ и самъ онъ считался «недобрымъ мѣстомъ»: когда-то здѣсь пролилась человѣческая кровь, одинъ изъ братьевъ-владѣльцевъ убилъ другого и самъ, въ припадкѣ раскаянія, повѣсился.... Въ окрестности была распространена легенда о томъ, что въ «Замокъ» собирается всякая «нечисть», появляется духъ повѣсившагося и проч.

Я взглянулъ по направленію «Замка» и невольно вздрогнулъ: — яркій огненный столбъ поднимался между двухъ стѣнъ и упирался въ низкое, черное небо.....

«Что это такое?» подумалъ я и сказалъ: —Кто нибудь заблудился въ полѣ, набрелъ на «Замокъ» и отогрѣвается, костеръ развелъ.

—Это *онъ*, некому больше, таинственнымъ шопотомъ, съ особеннымъ удареніемъ на словѣ «онъ», заявилъ Аникій.

—Кто «онъ»?—нетерпѣливо воскликнулъ я.

—Не знаешь развѣ, баринъ, *его*?—опять съ удареніемъ и удивляясь проговорилъ мой кучеръ и ударилъ по лошадямъ.

—*Онъ* теперь всюду рыскаетъ и человѣка пугаетъ, потому такой вечеръ,—говорилъ Аникій, оборачиваясь ко мнѣ, низкимъ и какимъ-то торжественнымъ голосомъ.

—Я не знаю, о комъ ты говоришь и какой сегодня вечеръ такой особенный, - съ раздраженіемъ обратился я къ Аникію.

—Чортъ, вотъ кто!—отрѣзалъ онъ и добавилъ поучительно:

—Нынче сочельникъ, канунъ праздника, такъ «онъ» и старается показать людямъ, что онъ можетъ, чтобы знали, что онъ всего сильнѣе, чтобы не забывали, что есть онъ, есть!

—Что-же онъ можетъ?—сказалъ я, и Аникій съ непоколебимымъ убѣжденіемъ отвѣчалъ:—«Онъ» все можетъ!

—Ну, напримѣръ, скажи!

—Кто сдѣлалъ такъ, что въ «Замкѣ» братъ на брата руку поднялъ и душу свою загубилъ?—въ свою очередь задалъ мнѣ вопросъ возница и вдругъ закричалъ, приподымаясь на козлахъ:—Гляди, гляди, вотъ и погасло!

И дѣйствительно, огненный столбъ въ развалинахъ «Замка» исчезъ такъ-же неожиданно, какъ и появился.

—Ты, значитъ, вѣришь въ чорта? спросилъ я Аникія.

—Вѣрую, со странной серьезностью отвѣчалъ онъ.

—Что-же ты видѣлъ его, говорилъ съ нимъ?

Съ козелъ раздался явственный, раздражавшій меня смѣшокъ и я со злостью проговорилъ:

—Ты уже старикъ и всякой чепухѣ вѣришь...

—А ты не вѣришь? сильно въ носъ протянулъ онъ и какъ-бы съ угрозой пробормоталъ:—«Онъ» тебѣ себя покажетъ!

Я вспомнилъ, что почти то-же самое говорилъ мнѣ Соломинъ и невольно разсмѣялся.

—Ты вотъ смѣешься надъ «нимъ», началъ Аникій задумчиво и тихо,—а «онъ» слышитъ тебя, не проститъ тебѣ...

—Да гдѣ-же онъ, скажи на милость Бога! я опять начиналъ приходить въ раздраженіе отъ этой твердой вѣры въ чорта.

—Онъ вездѣ, гдѣ человѣкъ... Онъ и на хуторѣ, и въ городѣ, и съ нами ѣдетъ, не даромъ лошади ушами прядутъ,—чуютъ его.

—Ну и пускай ѣдетъ, а ты подгоняй лошадей! приказалъ я кучеру.

Аникій пронзительно засвисталъ и лошади дружно, разомъ подхватили. Чрезъ нѣсколько минутъ мы были на хуторѣ,—небольшой усадьбѣ, обнесенной кругомъ высокимъ заборомъ. Меня поразило то, что ворота были заперты и никто, даже свирѣпые псы Соломина, не отзывались на стукъ. Все внутри ограды молчало, словно вымерло; не зная, что дѣлать, я ходилъ возлѣ воротъ, кричалъ,—никто не показывался. Глухая досада разбирала меня:—Получилъ развѣ телеграмму и неожиданно уѣхалъ, думалъ я... Или это шутка надо мной...

Аникій сидѣлъ въ саняхъ и говорилъ: —«ничего не добьешься» такъ спокойно и увѣренно, какъ будто ожидалъ того, что случилось.

—Это все «онъ» такъ подстроилъ, рѣшилъ онъ, наконецъ, и снова раздался непонятный мнѣ смѣшокъ въ бороду.

—Ступай назадъ! крикнулъ я, вскакивая въ сани, злой на Соломина въ такой-же степени, какъ и на его «наймита»...

Мое приказаніе какъ будто обрадовало Аникія и онъ живо залопоталъ, дергая возжами:

—Назадъ, такъ назадъ! И это можно...

Мы круто повернули, чуть не опрокинулись и выѣхали на дорогу въ Орѣховъ. Я чувствовалъ себя прескверно: эта неудачная поѣздка съ придурковатымъ Аникіемъ, нелѣпость его поведенія, сильно разстраивали нервы, возбуждали во мнѣ неудовольство всѣмъ и самимъ собой.

—Нужно было ѣздить, укорялъ я себя,—а поѣхалъ, такъ слѣдовало пробраться на хуторъ, хотя-бы для этого пришлось разобрать заборъ... Скорѣе-бы попасть домой!

Сани едва тащились. Въ двухъ шагахъ ничего не было видно, насъ со всѣхъ сторонъ окутывала густая пелена падавшаго крупнаго снѣга... Ночь была глухая, мертвая, давила своимъ молчаніемъ и темнотой и навѣвала на душу неясную тревогу и тоску...

Аникій съежился на козлахъ и представлялся мнѣ какимъ-то неподвижнымъ, чернымъ комкомъ...

«Что онъ, спитъ, что-ли?» подумалъ я и крикнулъ:—Трогай быстрѣе!

Онъ не шелохнулся... Лошади неожиданно стали... Я протянулъ руку, чтобы толкнуть кучера, но рука моя встрѣтила пустое пространство... Я поднялся въ саняхъ, нагнулся къ козламъ, на нихъ не было Аникія... И мнѣ вдругъ стало жутко одному, заносимому снѣгомъ среди пустого поля, и я сталъ кричать срывающимся голосомъ:

—Аникій! А-ни-кій!

Крикъ мой не разносился кругомъ, а, словно ударяясь о стѣну, глухо отзывался возлѣ меня... И въ то-же время я услышалъ за собой знакомый мнѣ смѣшокъ и чье-то прерывистое дыханіе...

—Аникій, это ты? сказалъ я не оборачиваясь, и мнѣ на мгновеніе показалось, что за мной стоитъ не Аникій, а кто то другой... Но въ ту-же минуту фигура Аникія подкатилась къ санямъ, вскочила на козлы,—мы снова тронулись...

—Гдѣ ты былъ?.. спросилъ я его, и онъ весело отвѣчалъ:

—А дорогу искалъ... Вишь, какъ снѣгу навалило, ничего не разберешь... Ну вы, милыя! обратился онъ къ лошадямъ, взмахивая кнутомъ. Сани задѣли крыломъ за стоявшій у дороги сухой кустъ и я сообразилъ, что мы на половинѣ пути между хуторомъ и Орѣховомъ. Я сталъ думать объ ожидавшей меня дома работѣ, Соломинѣ,—дорога казалась безконечной и все больше сыпался на насъ крупный частый снѣгъ... И снова мы стали...

—Баринъ, произнесъ Аникій, оборачиваясь ко мнѣ, вѣдь мы кружимъ на одномъ мѣстѣ... Видишь, опять кустъ, а давеча мы его проѣхали... И въ самомъ дѣлѣ—у лица моего, словно дразня меня, торчали сухія, голыя вѣтки... Я выбранился про себя, посылая къ чорту Соломина, свою поѣздку и Аникія, къ которому чувствовалъ теперь острую ненависть и смутное недовѣріе.

—Ступай прямо!—приказалъ я стискивая зубы.

Опять, шагъ за шагомъ, потащились сани и этакъ чрезъ полчаса снова коснулись куста... Мы кружили на одномъ мѣстѣ,—въ этомъ не могло быть сомнѣнія...

—Это *онъ* насъ водитъ!—произнесъ Аникій какъ-бы съ радостью и значительно прибавилъ:—Вотъ ты, баринъ, смѣялся надъ *нимъ*, а *онъ* шутитъ и играетъ съ нами...

Не говоря ни слова, я вылѣзъ изъ саней, сдѣлалъ наугадъ нѣсколько шаговъ въ сторону и завязъ въ сугробѣ... И тогда я понялъ, насколько наше дѣло серьезно и прежняя жуть съ ногъ до головы охватила меня... Падая, я направился къ санямъ, но не могъ найти ихъ... Я звалъ Аникія, кричалъ во весь голосъ,—ничто не отвѣчало мнѣ... Испугавшись не на шутку я сталъ бросаться со стороны въ сторону и вдругъ, совершенно неожиданно, очутился у саней и повалился въ нихъ.

—Что ты не отвѣчалъ мнѣ, когда я звалъ тебя—со злостью обратился я къ Аникію и мнѣ стало стыдно своего испуга.

—Да вѣдь ты, баринъ, у меня надъ самой головой кричалъ,—со смѣхомъ отозвался кучеръ.

—Тебѣ, кажется, все равно,—продолжалъ я,—развѣ ты не понимаешь того, что мы можемъ здѣсь замерзнуть...

—А можемъ, очень даже можемъ,—согласился Аникій,—чтожъ противъ *него* подѣлаешь... Знаешь, что баринъ,—немного погодя озабоченно проговорилъ онъ,—надо намъ укрыться въ «Замкѣ»,—неладно тутъ, среди поля-то...

—Въ «Замкѣ»... Да какъ ты его найдешь, дуралей,—вспылилъ я и онъ увѣренно заявилъ:—Ну, туда-то мы сыщемъ дорогу!

И въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ мы какимъ-то чудомъ попали къ «Замку» и остановились у высокой, черной стѣны...

Аникій слѣзъ съ козелъ, привязалъ возжи къ выступу стѣны и обратился ко мнѣ со словами:—Ступай, баринъ, за мной! Тутъ есть одно мѣстечко, затишно тамъ, я бывалъ ужъ здѣсь не разъ...

—Сюда, сюда... Подыми ножку!—говорилъ онъ, исчезая гдѣ-то впереди. Въ стѣнѣ оказалось широкое отверстіе и за нимъ каменная лѣстница... Я съ трудомъ поднимался по ней, вслѣдъ за Аникіемъ, а онъ легко прыгалъ по скользкимъ ступенямъ и приговаривалъ:—Сюда, сюда... Не бойся, здѣся хорошо...

—Вотъ тутъ!—сказалъ онъ останавливаясь... Погоди-ка, я свѣчку зажгу, у меня въ карманѣ есть огарокъ... Онъ чиркнулъ спичкой, зажегъ кусокъ сальной свѣчи и, приблизивъ свое лицо къ моему и заглядывая въ мои глаза, беззвучно смѣялся страннымъ, торжествующимъ смѣхомъ, непріятно дѣйствовавшимъ на меня.

Я оглядѣлся: мы находились въ углу, образуемомъ двумя стѣнами изъ краснаго кирпича, на каменной площадкѣ, прикрытой сверху полусгнившими досками. Здѣсь была, должно быть, когда-то веранда дома и до сихъ поръ сохранилась тяжелая дубовая скамья, стоявшая противъ входа, которымъ мы пробрались сюда... Я опустился на нее... Аникій прикрѣпилъ свѣчку къ углубленію въ стѣнѣ и сѣлъ на полъ, противъ меня, пригнулъ голову и словно застылъ такъ. Шапка его съѣхала напередъ и изъ подъ нея торчали только носъ и мочальная растрепанная бороденка. При тускломъ мигающемъ свѣтѣ огарка, фигура его казалась крошечной, неестественной, но вовсе не смѣшной, а наоборотъ полной какого-то особеннаго значенія... Я присмотрѣлся къ нему и увидѣлъ, что онъ пронизываетъ меня своими острыми глазками, какъ-бы испытывая меня, оцѣнивая мои силы и тутъ впервые подумалъ я о томъ, что можетъ быть онъ вовсе не такой дуракъ, какимъ представляется, что онъ не рабочій Соломина, а ловкій плутъ, нарочно блуждавшій со мной по полю и заманившій меня въ «Замокъ»... Съ какой цѣлью? Ограбить! мелькнула во мнѣ тревожная мысль и подозрѣнія относительно Аникія овладѣли мною. Я вынулъ изъ кармана револьверъ и положилъ его рядомъ съ собой на лавкѣ.

—Боишься меня?—Аникій поднялъ голову и съ насмѣшкой смотрѣлъ на меня.—Не бойся, я не ограблю тебя, мнѣ твои деньги не нужны... Да и куда мнѣ тягаться съ тобой: видишь, какой я лядащій, а ты—здоровенный... А эту штуку спрячь, куда она годится, коли въ ней ничего нѣтъ,—съ пренебреженіемъ указалъ онъ на револьверъ.

Я схватилъ револьверъ, раскрылъ затворъ, въ немъ не было ни одного патрона, между тѣмъ, какъ я отлично помнилъ, что послѣ обѣда зарядилъ его...

—Откуда ты узналъ, что онъ не заряженъ, съ удивленіемъ сказалъ я и услышалъ въ отвѣтъ высокомѣрно—гордое: —Я многое знаю... все знаю... Хочешь, попытаемъ одинъ другого, кто больше знаетъ, ты или я... Ну, говори, что ты знаешь!

Тонъ его голоса былъ намѣренно грубый и суровый, но не прежній «дурачливый» и мысль о томъ, что онъ вовсе не наймитъ Соломина, перешла во мнѣ въ увѣренность...

—Не хочешь, такъ я самъ за тебя скажу, что ты знаешь... Онъ вытянулъ шею и, прищуривъ глаза, медленно началъ:—Ты знаешь только то, что вычиталъ въ книжкахъ, значитъ то, что написали другіе люди, а я знаю то, чего никто изъ людей не знаетъ... Я знаю тебя, Соломина, всѣхъ... Я знаю, что ты не вѣришь ни въ Бога, ни въ чорта, только въ себя и свой умъ вѣришь... Я знаю, что ты большой гордецъ и себя выше всѣхъ людей почитаешь... Оттого ты смѣешься надъ ними и сторонишься отъ нихъ... А любить ихъ, ты все таки любишь... И бабъ любишь: недавно еще такъ въ одну врѣзался, что чуть семьей не обзавелся.

—Кто онъ такой и откуда знаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ недавно излѣчился отъ тщательно скрываемой отъ всѣхъ страсти, жившей за тысячу верстъ отъ Орѣхова?—спрашивалъ я себя, теряясь въ догадкахъ и не отрывая взора отъ Аникія, словно выроставшаго въ моихъ глазахъ и пріобрѣтавшаго для меня таинственное, непонятное значеніе...

А онъ, какъ бы угадавъ мои мысли, хвастливо произнесъ:—Я и то знаю, что ты теперь думаешь... Ты не понимаешь, какъ я могу знать Надю Яспопольскую, назвалъ онъ фамилію той, которую я хотѣлъ сдѣлать своей женой...

—Довольно, оборвалъ я его, кто бы ты не былъ, съ какой бы цѣлью не привелъ меня сюда, ты долженъ назвать себя, иначе я...

—Ничего ты «иначе» не сдѣлаешь, а ты послушай, что я тебѣ еще скажу, и онъ быстро сталъ говорить...

Предо мной было что то необъяснимое: Какой то чужой мнѣ человѣкъ съ видомъ никуда негоднаго мужиченки, зналъ интимнѣйшія подробности моей жизни, тайны моей души, характера, мыслей...

—Что это такое? Что со мной творится?.. Кто онъ? Кто онъ?

И въ отвѣтъ на невысказанный мною вопросъ я услышалъ невыразимо-лукавое: —Я—Аникій!

—Ты не Аникій!—закричалъ я во весь голосъ, всталъ съ лавки и снова опустился на нее....

—Я—Аникій... А-ни-кій, А-ни-кій, хо-хо-хо, смѣялся онъ мелкимъ, добродушно-насмѣшливымъ смѣхомъ.

—Охъ, не Аникій я, не Аникій!—произнесъ онъ, опустилъ голову и замолчалъ. Я тоже не говорилъ ни слова, въ моей головѣ была какая то путаница, я злился и чувствовалъ, что начинаю бояться этого страннаго, всезнающаго человѣка...

Онъ быстро поднялъ голову и чуть слышно пробормоталъ:—А можетъ я Соломинъ?.. А можетъ я тотъ, что повѣсился здѣсь...

—А?—онъ закрылъ одинъ глазъ, другимъ «выстрѣлилъ» въ меня и, отвернувшись въ сторону, бросилъ мнѣ сильно въ носъ тономъ человѣка, пугающаго ребенка:—А можетъ я чортъ?

Онъ уперся рукой о колѣно, склонилъ на нее голову, хихикалъ, топалъ отъ наслажденія ногами, очевидно издѣваясь надо мной, моимъ глупымъ положеніемъ, недоумѣніемъ и страхомъ, который онъ, конечно, уже успѣлъ подмѣтить, и вдругъ, ставъ серьезнымъ и спокойнымъ, произнесъ просто и коротко, но въ то-же время сильно и внушительно:—Я и есть чортъ!

Веригинъ обвелъ насъ взглядомъ, говорившимъ:—А, что вы на это скажете, и продолжалъ:—Въ моемъ мозгу молніей пронеслись мысли о томъ, что предо мной сумасшедшій, что я сдѣлался жертвой мистификаціи, и исчезли, и на мѣстѣ ихъ не осталось ничего, буквально ничего, я чувствовалъ какую то пустоту ума и страшно растерялся... Я во всѣ глаза смотрѣлъ на него, а онъ съ колючей усмѣшкой, насквозь пронизывавшей меня, тянулъ своимъ гнусавымъ голосомъ.—Вотъ видишь, ты не вѣрилъ въ то, что чортъ есть, а онъ на лицо предъ тобой... собственной персоной... Хо-хо-хо... Онъ смѣялся долго и весь трясся отъ смѣха, я сидѣлъ, не шевелясь, въ какомъ то туманѣ сознанія и сердце мое билось больно и неровно...

—Я давно тебя знаю и давно хотѣлъ поймать, говорилъ онъ, шутливо и ехидно грозя мнѣ пальцемъ и плутовато прищуривая глаза, да недосугъ было съ тобой возиться, ну, а сегодня рѣшилъ тобой заняться, и все, какъ оно случилось, самъ подстроилъ...

И на самомъ дѣлѣ Соломинъ тебѣ записку посылалъ и я у него, для тебя же, наймитомъ нанялся и съ тобой по полю блуждалъ...

Все очень просто и «ес-тес-ствен-но», какъ говорятъ, вышло и вотъ эта то простота и сбила тебя съ толку...

Пока онъ говорилъ, я, слушая его, бросался отъ одного предположенія и вопроса къ другому, ни на одномъ не могъ остановиться и ни на одинъ не могъ отвѣтить... Что онъ за человѣкъ? Зачѣмъ я ему?.. Что будетъ дальше? Я ничего не понималъ, я въ первый разъ въ жизни стоялъ предъ загадкой, недоступной моему уму...

Мнѣ было тяжело, точно меня опутали по рукамъ и ногамъ цѣпями, «его» присутствіе давило, угнетало меня, я хотѣлъ освободиться отъ этой тяжести, сбросить съ себя цѣпи и не могъ, не зналъ, какъ это сдѣлать...

И онъ, ясно читая въ моей душѣ, какъ то вскользь замѣтилъ:—Противенъ я тебѣ... Уйти хочешь? Ну, посиди еще немного, посиди... Въ его словахъ звучала ѣдкая иронія: онъ прекрасно зналъ мои мысли, зналъ, что я сдавленъ, какъ невидимыми тисками, и безсиленъ какъ дитя... Холодный страхъ къ этому необычайному существу, такъ непохожему на прочихъ людей, знавшему то, чего никто не зналъ, усиливался и я чувствовалъ, что если этотъ страхъ овладѣетъ мной, то произойдетъ нѣчто ужасное...

Чтобы подбодрить себя, я громко сказалъ:—Я не вѣрю въ то, что ты чортъ, я не вѣрю въ чорта...

—Неправда! рѣзко оборвалъ онъ меня, ты не хочешь вѣрить, но вѣришь... Да и какъ ты не признаешь меня, когда ты видишь меня, говоришь со мной...

«Не галлюцинирую-ли я въ бреду?» Я на мгновеніе повѣрилъ тому, что у меня галлюцинаціи, но тотчасъ-же отвергъ эту мысль: слишкомъ ясно чувствовалъ и переживалъ я для этого... Значитъ, онъ, дѣйствительно есть, существуетъ, я вижу его, говорю съ нимъ, онъ не созданіе больного воображенія, а реальное существо, загадочное и непонятное... Страхъ заполнилъ мою душу и мнѣ не хватало воздуху для дыханія.

—Если я не чортъ, то кто-же я, сказалъ онъ, склоняя голову то на одну, то на другую сторону...

—Если я для тебя злая загадка, нѣчто необъяснимое, выходящее изъ ряда явленій, доступныхъ твоему понятію, лежащее «по ту сторону» твоего знанія, то не все ли равно, какъ называть меня... Почему-бы не «чортомъ?» Назови меня «чортомъ» и тебѣ все будетъ ясно и понятно... А слово «чортъ»—хорошее слово, народное...

Я хотѣлъ разсмѣяться и не могъ, теперь страхъ держалъ меня всего въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ и внушалъ мнѣ дикія невозможныя мысли... Туманъ вокругъ меня сгустился, мнѣ казалось, что я падаю куда-то въ пропасть, я весь дрожалъ и шепталъ пересохшими губами:

—Что-же это такое?.. Что это такое?

Онъ бросалъ мнѣ короткія, злобныя фразы:—Ну, что такое чортъ, скажи! Не знаешь, а отрицаешь его... Не вѣришь ему... Эхъ, вы, людишки, съ презрѣніемъ выговорилъ онъ эти слова и при этомъ какъ-то присвистнулъ губами, не понимаете того, что разъ есть человѣкъ, то долженъ быть и чортъ... Чортъ необходимъ вамъ и для васъ-же созданъ... Не будь его, съѣли-бы вы другъ друга живьемъ и всю-бы землю испакостили... А такъ-то все-жъ его побаиваетесь и чистоту души соблюдать стараетесь, изъ страха, чтобы не попасть къ нему въ лапы... А ты думаешь, весело чорту возиться съ вами, да о себѣ напоминать, чтобы не забыли его... Тьфу!

—Ты меня не бойся, неожиданно совсѣмъ другимъ, успокоительнымъ, тономъ сказалъ онъ, ничего я тебѣ не сдѣлаю... Отвезу домой и больше ничего... Только никогда ты обо мнѣ не забудешь и никому того, что съ тобой было, не разскажешь... Никому, это ужъ навѣрно! Хо-хо-хо! Онъ злорадно расхохотался, поднялся, потянулся и, едва передвигая ноги, направился ко мнѣ... Его длинная черная тѣнь на стѣнѣ тоже приближалась ко мнѣ и мнѣ почему-то становилось страшно не только его, но и этой высокой тѣни.

Онъ остановился въ разстояніи аршина отъ меня, нагнулся и заглянулъ въ мое лицо... Мои испуганные глаза встрѣтились съ его сверкавшимъ взоромъ и приковались къ нему... Изъ него исходила какая-то глубокая таинственная сила, подчинявшая себѣ и неотразимо притягивавшая меня къ нему, хотя я въ то-же время цѣпенѣлъ отъ страха предъ нею... Я хотѣлъ вскочить, бѣжать, но не могъ противиться ея обаянію и тогда я понялъ, ясно понялъ, что предо мною «чортъ» и что я въ его власти...

Предо мной встало все происшедшее въ этотъ день, поѣздка на хуторъ, неожиданное превращеніе лядащаго мужиченки въ «чорта»... Какъ это было все просто и въ то-же время невѣроятно!

Если-бы это былъ тонкій бѣсъ, Мефистофель, или сатана, воплощеніе нечеловѣческой злобы, вражды, ума, сомнѣній и отрицанія, то тогда легче можно было-бы допустить мою вѣру въ него, но нѣтъ, это былъ «чортъ», именно «чортъ», воплощеніе тьмы и невѣжества, и я вѣрилъ въ него!.. Это было нелѣпо, неестественно и чудовищно-ужасно, но это было такъ: чортъ существовалъ и былъ предо мной!

Да, онъ былъ предо мной...

—Но, сказалъ я себѣ, если есть «чортъ», это нѣчто непостижимое, темное, сильное, злое и враждебное всему, то что такое тогда нашъ умъ, наша вѣра, что такое добро, любовь, наука и что такое сама жизнь съ ея радостями, свѣтомъ и цѣлями... Все это, если чортъ есть, обманчивый миражъ, нелѣпость, насмѣшка, бредъ! Не стоитъ жить, если есть онъ! Нѣтъ ничего, если есть онъ, ничего, кромѣ ужаса сознанія предъ нимъ... Въ одно мгновеніе для меня померкло и погибло все, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ, не было ничего кругомъ меня, впереди, одна зловѣщая тьма окружала меня, тьма, сотканная изъ ужаса, изъ тысячи ужасовъ... И я умиралъ въ ней, и не могъ умереть, ибо и смерть была—тоже насмѣшка, мука, ужасъ бытія...

Свѣчка неожиданно сорвалась со стѣны и упала на полъ... Никогда не забуду того, что я перечувствовалъ въ слѣдующія затѣмъ минуты: я не могъ видѣть его, онъ не дотрогивался до меня, я не слышалъ его присутствія, но я чувствовалъ его, всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ...

Онъ былъ возлѣ меня, надо мной, вездѣ, въ немъ было сосредоточено все злое и нечистое, что есть въ мірѣ, все горе и страданія человѣка, его безсиліе и безпомощность въ окружающихъ тайнахъ мірозданія, и все это проникало въ мое сердце и я переносилъ это, одинъ за всѣхъ людей...

Это былъ ужасъ и надо пережить его, чтобы имѣть о немъ понятіе...

Чиркнула спичка, онъ зажегъ свѣчку, прилѣпилъ ее къ углубленію въ стѣнѣ, потомъ круто повернулся и пошелъ къ лѣстницѣ... На первой ступенькѣ ея онъ обернулся, окинулъ меня невыразимо—торжествующимъ взоромъ и сталъ спускаться внизъ... Какъ только я остался одинъ, прежній ужасъ сталъ разсѣиваться, гдѣ-то далеко, очень далеко вырисовывалась предо мной жизнь, снова радостная чистая, освѣщенная любовью, добрымъ дѣломъ, трудомъ и разумной цѣлью... Я снова оживалъ и то, что было только что, представлялось мнѣ тяжелымъ сномъ, кошмаромъ, созданнымъ разстроеннымъ воображеніемъ...

—Его нѣтъ! сказалъ я себѣ и глубоко съ облегченіемъ вздохнулъ. Я приподнялся со скамьи, сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился, какъ вкопанный: до моего слуха донеслись звуки отдаленныхъ шаговъ, его шаговъ... Значитъ онъ есть, существуетъ... Я повалился на скамью и застылъ въ отчаяніи... Шаги раздавались ближе и ближе, я понялъ, что, если еще разъ увижу его, то сойду съ ума или мое сердце разорвется отъ муки, и дѣлалъ попытки подняться, но не могъ... Мнѣ казалось, что онъ цѣлую вѣчность подымался по лѣстницѣ, и я уже желалъ одного, чтобы скорѣе увидѣть его и умереть... Что-то черное уже протягивалось ко мнѣ, его тѣнь, и на верхнюю ступеньку вскочила небольшая, страшная и нелѣпая фигура... Я дико закричалъ и лишился чувствъ, когда-же пришелъ въ себя, то увидѣлъ рядомъ съ собой на лавкѣ Соломина, уже безъ бороды и громаднаго носа, но въ прежнемъ костюмѣ черта... Онъ прикладывалъ снѣгъ къ моему лбу...

Веригинъ умолкъ.

—А дальше что? Спросило его нѣсколько голосовъ.

—Что-жъ дальше, сказалъ хозяинъ, все было такъ просто и понятно... Соломинъ сыгралъ надо мной злую шутку, что было для него вовсе не трудно при моихъ взвинченныхъ нервахъ: онъ отлично зналъ меня и мою жизнь, былъ прекраснымъ артистомъ, легко мѣнялъ голосъ и артистически гримировался...

—Но позвольте! А разряженный револьверъ, огонь въ замкѣ... Какъ объяснить это? воскликнулъ кто-то.

—Револьверъ былъ разряженъ Соломинымъ въ то время, когда я въ другой комнатѣ надѣвалъ шубу... А костеръ онъ зажегъ самъ, ѣдучи ко мнѣ, зная, что мы увидимъ его на обратномъ пути...

—Какъ-же вы не узнали Соломина?

Хозяинъ развелъ руками..

—Вотъ это-то и удивительнѣе всего, проговорилъ онъ задумчиво, ни разу не явилась у меня мысли о томъ, что это можетъ быть мой пріятель.

И какъ я повѣрилъ въ то, что есть «чортъ!» добродушно разсмѣялся онъ, и, немного погодя, прибавилъ: Видно, у каждаго изъ насъ бродятъ еще умъ и душа въ потемкахъ, мало знаемъ мы, мало вѣримъ въ свое знаніе и потому легко приклоняемся ко всему необычайному, чудесному...

—Изъ того, что вы разсказали намъ, могъ-бы выйти недурной «святочный разсказъ», въ этомъ есть настроеніе, замѣтилъ гость, пописывавшій въ газетахъ и неодобрительно отзывавшійся раньше о «святочныхъ разсказахъ».

Мы всѣ разсмѣялись и Веригинъ шутливо произнесъ: Да, ужъ такое «настроеніе» рѣдко въ наши времена испытаешь: не только повѣришь въ чорта, но и испугаешься его!»

---

# РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

*Изъ воспоминаній франко - прусской войны 1870 г.*

**Жака Ланглуа.**

(Съ французскаго).

Мы собрались въ гостиной и мелкими глотками потягивая горячій послѣобѣденный кофе, дѣлились воспоминаніями о страшномъ годѣ. Но вскорѣ генералъ Х. овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ.

Я помню одну вылазку стрѣлковаго батальона, которымъ я въ то время командовалъ. Мы вышли изъ Парижа въ Фоли-Пантеръ вдоль бульвара, превращеннаго въ длинный военный лагерь. Столицѣ угрожала осада, и армія генерала Винуа отступила въ самомъ жалкомъ состояніи. По обѣ стороны улицы безпорядочными группами лежали солдаты. Нашъ батальонъ проходилъ мимо этихъ изможденныхъ скорбныхъ лицъ, какъ быстрая рѣка, протекающая черезъ болото. Мы робко отворачивались отъ несчастныхъ, которымъ было извѣстно многое, на что мы старались закрывать глаза.

Въ Фоли-Пантерѣ, какой горькой ироніей звучало это веселое названіе, цѣль нашей мрачной экспедиціи, насъ размѣстили, и то съ грѣхомъ пополамъ, въ покинутыхъ каменоломняхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ моихъ солдатъ провалились въ какія-то невидимыя ямы; двое-трое получили тяжкіе ушибы: ихъ унесли тайкомъ, чтобы не смущать остальныхъ.

Никогда въ жизни не приходилось мнѣ страдать отъ такого пронизывающаго холода: рѣдкій вѣтеръ рѣзалъ лицо, забирался подъ шинели, леденилъ кровь. Водка замерзала въ бутылкахъ. Никакой возможности развести огонь въ виду непріятеля.

Вокругъ непроницаемый мракъ, тишина и безмолвіе. Ни тревоги, ни выстрѣла. Мы были недалеко отъ Парижа и передъ выступленіемъ получили распоряженіе не брать съ собой ничего съѣстного: интендантство доставитъ намъ хлѣба и консервовъ.

Какая ночь! Самый жаркій бой ничто въ сравненіи съ этимъ подавленнымъ оцѣпенѣніемъ, съ этимъ тщетнымъ ожиданіемъ... Иззябшіе люди застыли въ какой-то мрачной неподвижности. А тутъ еще ко всѣмъ ихъ страданіямъ присоединился голодъ. На разсвѣтѣ намъ обѣщали доставить провіантъ, но утро проходило, и люди начинали роптать... Голодные требовали пищи, ворчали, критиковали вполголоса распоряженія командующихъ. Покорныя натуры предавались самымъ мрачнымъ размышленіямъ... Всѣмъ намъ суждено погибнуть здѣсь отъ голода и холода... Но вотъ, наконецъ, прибыли ящики консервовъ, и все мало-по-малу вошло въ обычную колею.

Мы провели въ Фоли-Пантерѣ два тягостныхъ дня, двѣ мучительныя ночи. Въ результатѣ нѣсколько безпорядочныхъ залповъ куда-то въ пространство и распоряженіе возвратиться въ Парижъ. Не знаю, имѣла-ли наша экспедиція какое-нибудь значеніе для общаго хода военныхъ дѣйствій? Или, быть можетъ, это была ошибка военачальниковъ? Но людямъ казалось, что они напрасно подвергались суровымъ лишеніямъ, и эта мысль не внушала имъ мужества.

Наступило 24 декабря. Нашъ батальонъ долженъ былъ выступить на передовыя позиціи, встрѣтить непріятеля.... Наконецъ-то! «Будетъ жарко!» раздавались вокругъ меня голоса повеселѣвшихъ людей. Но пока на дворѣ стоялъ трескучій морозъ.

На передовыя позиціи! Намъ поручено было охранять мостъ, которому угрожала опасность, и смѣнить бретонцевъ, выбившихся изъ силъ... Будетъ жарко!

Мы прибыли на мѣсто назначенія только къ девяти часамъ вечера. Земля была покрыта толстой снѣжной пеленой, дороги превратились въ потоки мерзлой грязи.

Но вотъ и мостъ, предметъ нашей бдительности въ эту ночь! Необходимо было помѣшать переправѣ нѣмцевъ черезъ Сену, помѣшать во что бы то ни стало. Съ другой стороны мы слышали, что мостъ былъ минированъ, и непріятель предполагаетъ его взорвать. Людямъ приказано стрѣлять, какъ только они замѣтятъ что либо подозрительное на противоположномъ берегу или вблизи быковъ моста. Прекрасно! Въ близости непріятеля не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что на томъ берегу выстрѣлы не умолкали ни на одно мгновеніе.

Смѣна бретонцевъ совершалась медленно. Каждый изъ моихъ стрѣлковъ ползкомъ пробирался на мѣсто бретонца въ яму или какое нибудь другое укромное убѣжище; ружья и аммуниція стѣсняли движеніе. Одинъ за другимъ выходили бретонцы изъ своихъ ужасныхъ берлогъ, окоченѣвшіе, растерянные... Днемъ они мужественно смотрѣли въ глаза опасности, но ночной сумракъ наводилъ на нихъ какой-то суевѣрный страхъ: смутныя тѣни, ложившіяся по берегамъ рѣки, казались имъ вѣдьмами народныхъ легендъ. Дрожащіе, угрюмые, съ безумнымъ взоромъ уступали они моимъ людямъ свои неудобныя логовища, защищенныя снѣжными валами, кое какъ насыпанными тѣми-же бретонцами.

Всѣ взоры были устремлены на мостъ. Въ эту темную зимнюю ночь онъ казался безформенной массой, чернѣвшей во мракѣ, чудовищнымъ призракомъ, погрузившимъ въ воду свою гигантскія ноги, выгнувшимся въ нелѣпой позѣ. Вода отсвѣчивала

какими-то странными отблесками, какъ будто ночныя тѣни то сгущались, то расходились на ея поверхности. Тихій плескъ рѣки и непрерывный свистъ пуль одни нарушали таинственное безмолвіе.

Всю ночь мои люди боролись съ дремотой, стрѣляли по какимъ-то чернымъ точкамъ, скользившимъ около моста, неуловимымъ, какъ неустрашимый непріятель, не знающій препятствій. Съ лихорадочной поспѣшностью заряжали они ружья, устраивались поудобнѣе въ своихъ дырахъ, наполненныхъ снѣгомъ и грязью, и стрѣляли, стрѣляли безъ конца.

Вдругъ на колокольнѣ ближайшей церкви раздались первые удары колокола.

—Полночь!.. Рождество!

Радостный звонъ колоколовъ томительно отдавался въ сердцѣ каждаго изъ насъ. Я ходилъ взадъ и впередъ, снѣгъ тихо похрустывалъ у меня подъ ногами, и невольное умиленіе сжимало мнѣ горло при мысли о женѣ и дѣтяхъ, которыя со свойственной ихъ возрасту беззаботностью грезили теперь о подаркахъ таинственно попадающихъ въ ихъ крохотные башмачки въ эту святую ночь. Выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ продолжались съ прежней силой.

Вдругъ кто то тронулъ меня за руку. Я вздрогнулъ и обернулся.

Передо мною, приложивъ руку къ козырьку, неподвижно стоялъ маленькій стрѣлокъ.

—Въ чемъ дѣло?

—Я пришелъ просить позволенія выйти изъ траншеи, капитанъ.

Я улыбнулся.

—А, понимаю! Вамъ хочется почтить чѣмъ нибудь эту ночь.

—Да, капитанъ.

Его большіе черные глаза свѣтились огонькомъ глубокаго умиленія.

—Хорошо, идите, но только въ сторону фортовъ.

Маленькій стрѣлокъ не двигался съ мѣста.

—Что еще? нетерпѣливо спросилъ я.

—Видите-ли, капитанъ, мнѣ нужно совсѣмъ не въ ту сторону...

Меня передернуло.

—Да вы съ ума сошли! Какъ, въ сторону непріятеля?

—Да, капитанъ; у меня свой планъ, просто отвѣчалъ онъ.

Его спокойная увѣренность взорвала меня.

—Чортъ побери ваши планы! Оставайтесь-ка лучше съ товарищами подъ прикрытіемъ насыпи!

—Жаль, очень жаль, сказалъ онъ тономъ глубокаго разочарованія и сдѣлалъ движеніе, чтобы удалиться.

Меня разбирало любопытство.

—Ваше имя? спросилъ я.

—Жанъ-Поль-Дюранъ.

—Чѣмъ занимались до поступленія въ военную службу?

—Литературой; я писалъ въ разныхъ журналахъ.

Онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо спокойнымъ взглядомъ.

—Не совсѣмъ-же вы сумасшедшій, чтобы такъ рисковать вашей жизнью? У васъ есть какая-нибудь серьезная причина?

—Позвольте мнѣ не отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, капитанъ; но отпустите меня, умоляю васъ. Я обѣщаю вернуться цѣлымъ и невредимымъ.

Я все еще колебался.

—Вамъ очень этого хочется?

—Очень, капитанъ.

—Ну что-жъ, сказалъ я, побѣжденный открытой простотой этого человѣка; дѣлайте, какъ знаете, и постарайтесь не попасть подъ шальную пулю.

Его глаза заблестѣли отъ удовольствія.

—Благодарю васъ, капитанъ!

Онъ поклонился, быстро взобрался по снѣжнымъ ступенямъ, и нѣсколько секундъ спустя его темный силуэтъ отчетливо обрисовался на фонѣ звѣзднаго неба...

Товарищи съ изумленіемъ смотрѣли на этого смѣльчака, и во всѣхъ взорахъ я прочелъ тотъ-же тревожный страхъ, который желѣзными клещами сжималъ мнѣ сердце: страхъ передъ вражьей пулей, которая подкоситъ этого молодца.

Но повинуясь внушенію какой-то таинственной силы, онъ не обращалъ вниманія на пули, долетавшія съ противоположнаго берега; безумный, нелѣпый, великій, онъ запѣлъ своимъ великолѣпнымъ глубокимъ голосомъ гимнъ Адана:

«Полночь, христіане, торжественный часъ...»

Мощные звуки наполняли ночной мракъ, покрывали робкіе голоса природы, презирали опасность, господствовали надъ нею.

Перестрѣлка затихла... сначала съ нашей стороны, потомъ замолкли и пруссаки. Одно и то-же очарованіе держало насъ въ своей власти на противоположныхъ берегахъ рѣки.

«Когда Богочеловѣкъ снизошелъ среди насъ»...

Строфы торжественно слѣдовали одна за другой, голосъ пѣвца звучалъ гордостью и упоеніемъ среди мертваго безмолвія ясной морозной ночи. Онъ пѣлъ одинъ передъ безпредѣльной снѣжной равниной, съ грудью, открытой для непріятельскихъ пуль, поднявъ къ небу свое чело, озаренное луной... Онъ пѣлъ въ какомъ-то мистическомъ экстазѣ съ такимъ глубокимъ, почти нечеловѣческимъ чувствомъ, что на глаза невольно навертывались слезы умиленія. Когда онъ кончалъ строфу, солдаты подхватывали ее хоромъ, изливая въ звукахъ накопившееся чувство благоговѣнія къ святости этой великой ночи.

Онъ кончилъ... Минутное безмолвіе... и тройной взрывъ рукоплесканій раздался въ прусскомъ лагерѣ. Вдругъ, подобно пламени, вспыхнувшемъ среди непрогляднаго мрака, полились звуки другой пѣсни!..

Противъ насъ гигантъ съ рыжей бородой, казалось, вдругъ выросъ изъ-подъ земли... Снявъ свою черную каску, онъ запѣлъ хоралъ Лютера, подхваченный сотнями грубыхъ голосовъ.

Я бросился къ своимъ людямъ.

—Не стрѣлять! Пусть никто не стрѣляетъ!

Но приказаніе мое было напрасно. Солдаты сосредоточенно слушали непонятныя слова германскаго гимна, уносившіяся къ ясному небу... Когда затихли, наконецъ, послѣдніе звуки, я первый далъ знакъ аплодировать.

Чей-то голосъ крикнулъ:

—Да здравствуетъ Рождество!

Но восторженное настроеніе быстро упало, и вскорѣ водворилось молчаніе, тревожное молчаніе, казавшееся болѣе мучительнымъ послѣ короткаго взрыва энтузіазма. Въ душу хлынули воспоминанія о прошедшихъ праздникахъ въ кругу семьи, въ свѣтлой уютной комнатѣ... Вдругъ раздался выстрѣлъ, нарушившій мистическое очарованіе этого часа. Откуда, съ какой стороны начали стрѣлять? Не знаю. Но за нимъ послѣдовалъ другой... третій... и перестрѣлка возобновилась. Пули свистали въ ночномъ мракѣ. Рождество было оставлено, забыто, и мы, какъ ни въ чемъ не бывало, снова взялись за свое ремесло солдатъ, сознающихъ близость опасности. Съ обѣихъ сторонъ мы съ одинаковой яростью осыпали другъ друга градомъ пуль, безпощадно истребляя врага въ этой патріотической бойнѣ!..

Такъ говорилъ генералъ. И когда онъ кончилъ, въ комнатѣ долго еще царило глубокое молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое вздохомъ людей, не вполнѣ очнувшихся отъ тяжелаго сна.

---

# Рождественская ночь въ эпоху террора.

**Поля Бурже.**

(Съ французскаго).

(Разсказъ этотъ представляетъ собою отрывокъ изъ имѣющей вскорѣ появиться въ печати повѣсти Поля Бурже).

Герцогъ Флери, спасаясь, вмѣстѣ съ женою, отъ террора, вынужденъ былъ за нѣсколько миль отъ границы, остановиться въ мѣстечкѣ Морто вслѣдствіе того, что герцогиня собирается сдѣлаться матерью. Путешественниковъ пріютила въ церковномъ домѣ служанка священника, который только что былъ гильотинированъ. Оказывается, что мѣстный докторъ, къ помощи котораго долженъ прибѣгнуть герцогъ, является представителемъ революціоннаго комитета общественной безопасности въ этомъ округѣ.

Безвыходность положенія приводитъ герцога къ мысли о самоубійствѣ, но видъ случайно попавшейся ему на глаза иконы, изображающей Рождество Христово, ободряетъ его настолько, что у него хватаетъ духу идти искать помощи у человѣка, въ которомъ онъ долженъ видѣть своего злѣйшаго врага.

—

—Да, мнѣ нужна была поддержка вѣры въ дѣлѣ, на которое я рѣшился. Все безуміе моей смѣлой попытки стало мнѣ яснымъ лишь въ ту минуту, когда я вошелъ въ рабочій кабинетъ грознаго революціонера, къ помощи котораго я собрался прибѣгнуть. Да и могъ ли онъ быть врачемъ, сочувствующимъ человѣческой скорби, этотъ суровый человѣкъ, сидѣвшій здѣсь въ ночной тиши за столомъ, заваленнымъ бумагами. Вотъ еще подробность, которую я узналъ впослѣдствіи. Якобинцы организовали свою тайную полицію по округамъ, ввѣренныя надзору самыхъ ярыхъ изъ ихъ приверженцевъ. Эти тайные инквизиторы, хотя и не занимали никакихъ видныхъ должностей, были однакоже, на самомъ дѣлѣ, настоящими диктаторами въ то страшное время. Передъ ними склонялись такіе люди какъ Дантонъ, Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ. Изъ своего кабинета въ Морто Ральяръ простиралъ свою власть надо всѣмъ Франшъ-Конте. Вѣроятно, онъ только что успѣлъ получить извѣстіе, удовлетворявшее его ярую ненависть къ врагамъ революціи, потому что лицо его свѣтилось злобною радостью въ тотъ моментъ, когда онъ повернулся ко мнѣ.

Какая тайная сила могла побудить этого гордаго и умнаго человѣка взяться за такое злое и кровавое дѣло? Какъ могли эти глаза, въ которыхъ такъ ярко горѣло пламя вдохновенія, служить орудіемъ низкаго шпіонства? Мое чутье не обмануло меня. Ральяръ не былъ ни кутилой, какъ отвратительный Дантонъ, ни завистникомъ, какъ мрачный Робеспьеръ, ни низкимъ плутомъ какъ негодяй Фукье-Тенвиль: нѣтъ, онъ былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ преступномъ увлеченіи. Онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ способствовать возрожденію Франціи путемъ очистки ея отъ всего того, что считалъ за ядовитый элементъ въ ея общественной жизни. Гильотинировать аристократа казалось ему дѣломъ столь же законнымъ, какъ тѣ ампутаціи пораженныхъ гангреной членовъ тѣла, которыя онъ производилъ ранѣе въ своей врачебной практикѣ. Онъ считалъ своимъ призваніемъ способствовать этому чудовищному калѣченію родины, въ которомъ ему мерещилось излѣченіе ея отъ недуга. И въ самомъ дѣлѣ, принимая меня, онъ имѣлъ видъ человѣка, дорожащаго каждой минутой, чтобы добросовѣстно выполнить взятое на себя дѣло.

—Я занятъ, гражданинъ, сказалъ онъ мнѣ, очень занятъ. Я тружусь на пользу родины. Если ты можешь сообщить мнѣ что либо нужное для пользы государства, говори. Если же нѣтъ...

—Жена моя при смерти, отвѣчалъ ему я, а доктора Кутюрье нѣтъ дома. Меня послали къ вамъ.

—Кто послалъ? рѣзко спросилъ онъ.

Упоминаніе о его профессіи было ему ненавистно, также какъ и обращеніе къ нему на «вы», которое я безсознательно употреблялъ по привычкѣ.

—А ты самъ? продолжалъ онъ. Ты кто?

Какъ ни трудно было выдержать его пристальный взглядъ, мнѣ удалось побороть свое смущеніе. Въ глазахъ его свѣтилась проницательность, свойственная врачу діагносту, но на этотъ разъ служившая орудіемъ страстнаго политическаго фанатизма. Но передъ моимъ мысленнымъ взоромъ ярко выступило только что видѣнное мною зрѣлище: жена моя въ мукахъ на постели, надъ которой висѣла въ своемъ нѣмомъ краснорѣчіи картина Рождества Христова, и служанка, трепещущая при одной мысли о моемъ появленіи у палача ея хозяина. Потерять присутствіе духа значило выдать головой и Генріэтту, и пріютившую насъ женщину. Поэтому я съ самымъ спокойнымъ видомъ вынулъ изъ кармана свой подложной паспортъ на имя швейцарскаго подданнаго и принялся разсказывать свою исторію. Ральяръ слушалъ меня, не сводя глазъ, синій блескъ которыхъ поневолѣ наводилъ на сравненіе съ блескомъ отточенной стали. Когда я кончилъ, онъ по прежнему рѣзко спросилъ меня:

—Ты пріѣхалъ въ Морто сегодня вечеромъ? Гдѣ ты ночевалъ вчера?

—Въ окрестностяхъ Безансона, отвѣчалъ я. Не знаю какъ называется это мѣстечко.

Мы пріѣхали какъ разъ съ противоположной стороны.

—А до этого гдѣ ночевали?

—Въ Безансонѣ.

—Въ какой гостиницѣ?

Въ то время, какъ онъ задавалъ мнѣ эти вопросы, онъ протянулъ руку къ столу. Я сообразилъ, что въ немъ успѣло зародиться подозрѣніе и что въ одной изъ лежащихъ передъ нимъ бумагахъ, вѣроятно, имѣлись справки о нашемъ выѣздѣ и нашихъ примѣтахъ. Въ числѣ ихъ, вѣроятно, значилось и положеніе моей спутницы, которое не могло быть незамѣтнымъ. Я не зналъ названія ни одной гостиницы въ Безансонѣ. Сознавая, однако, что я погибъ, если растеряюсь, я отвѣчалъ:

—Въ почтовой гостиницѣ.

Какое облегченіе испыталъ я, когда Ральяръ въ свою очередь отвѣчалъ мнѣ:

—А тутъ гдѣ ты остановился?

Значитъ, въ Безансонѣ дѣйствительно была почтовая гостиница, названіе которой я выдумалъ наудачу. Ободренный этимъ успѣхомъ, я рѣшился упомянуть о служанкѣ Буверонъ, и разсказалъ цѣлую исторію, гдѣ вымыселъ перемѣшивался съ дѣйствительностью: будто-бы мой экипажъ сломался въ дорогѣ, и мы пересѣли въ карету госпожи Пуарье, которая насъ привезла къ своей родственницѣ. Разсказъ этотъ едва ли былъ правдоподобенъ, но было нѣчто, еще менѣе правдоподобное, это —мое присутствіе въ домѣ главы тайной полиціи якобинцевъ въ томъ случаѣ, если я лгалъ. При упоминаніи о нашей хозяйкѣ Ральяръ сдвинулъ брови и словно потемнѣлъ въ лицѣ. Среди сотенъ листковъ онъ отыскалъ одинъ и принялся его читать молча, временами окидывая меня взглядомъ, словно для того, чтобы провѣрить примѣты, о которыхъ упоминалось въ бумагѣ. Не былъ ли этотъ листокъ циркулярнымъ извѣщеніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ помѣстья Флера? Вѣроятно, примѣты были описаны неудачно, да къ тому же и мое упоминаніе о проѣздѣ черезъ Безансонъ противорѣчило указаніямъ въ листкѣ. Инстинктъ самозащиты, безсознательно развивающійся въ насъ въ часы опасности, заставилъ меня догадаться о ловушкѣ, заключавшейся въ столь естественномъ на видъ вопросѣ о направленіи моего пути. Тѣмъ же инстинктомъ я угадалъ, что якобинецъ колеблется и что сильное впечатлѣніе извнѣ можетъ повліять на его рѣшеніе въ ту или другую сторону.

—Ты завтра успѣешь провѣрить то, что я тебѣ разсказалъ, сказалъ я ему, принимая тотъ же рѣзкій и грубый тонъ, какимъ онъ говорилъ со мной, и обращаясь къ нему на «ты». А пока подумай о томъ, что каждая минута промедленія можетъ стоить жизни женщинѣ... И тутъ же принялся описывать ему симптомы болѣзни, съ тѣмъ большею настойчивостью, что съ первыхъ словъ мнѣ стало яснымъ, что въ немъ пробуждается врачъ. Нельзя безнаказанно заниматься одною и тою же профессіею всю свою жизнь. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, привычная любовь къ своему дѣлу помимо его воли овладѣвала имъ. Возникала борьба между фанатикомъ-политиканомъ, какимъ онъ былъ теперь, и врачемъ практикомъ, какимъ онъ былъ прежде. Онъ принялся меня допрашивать о больной, ея возрастѣ, характерѣ, привычкахъ, образѣ жизни, о времени, когда она вышла замужъ. Мало-по-малу самое выраженіе его лица мѣнялось, становилось человѣчнѣе и привѣтливѣе. Когда же, наконецъ, онъ объявилъ мнѣ: «идемъ-те же, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, время дорого», видно было, что онъ забылъ, если даже и имѣлъ его въ рукахъ, о документѣ, гдѣ говорилось объ исчезновеніи герцога Флери съ женою, находившеюся въ послѣднемъ періодѣ беременности. Мнѣ часто приходилось подмѣчать такого рода двойственность у революціонеровъ, съ которыми меня сводила судьба. У всѣхъ нихъ можно бывало прослѣдить возвратъ къ тому, чѣмъ они были до 1789 года. Но ни въ комъ это явленіе не сказывалось такъ ярко, какъ въ Ральярѣ. Когда, полчаса спустя, онъ усѣлся у изголовья моей жены, чтобы слѣдить за нею, якобинецъ въ немъ исчезъ совсѣмъ. Остался только врачъ. Можно было бы подумать, что онъ забылъ, въ чьемъ домѣ онъ находится, и какое участіе онъ принималъ въ арестѣ покойнаго кюре Франсуа. Онъ обращался къ Буверонъ, требуя у нея бѣлья, тазъ, горячей воды, словно бы она была сестрой-сидѣлкой въ хирургической палатѣ. Отъ его вниманія ускользало даже то обстоятельство, что она не отвѣчала ему на вопросы и что, когда она подавала ему требуемое, руки у нея дрожали отъ ужаса и отвращенія, которые внушалъ ей убійца ея господина.

—Я боюсь плохого исхода, если начнется эклампсія, сказалъ онъ мнѣ. Надо вызвать разрѣшеніе во что бы то ни стало.

Хорошо, что я захватилъ съ собою ящикъ съ инструментами. Когда онъ сказалъ мнѣ это, было около полуночи. При этомъ онъ съ осторожностью, свойственною умѣлому врачу, заложилъ уголъ платка между стиснутыми зубами пацієнтки, объяснивъ мнѣ при этомъ, что дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы не дать ей прикусить языкъ. Въ полночь въ ночь подъ Рождество мы справили ужинъ чашкой бульона, которую подала намъ обоимъ, врачу и мнѣ, для поддержки нашихъ силъ, служанка покойнаго кюре. Въ десять часовъ утра муки еще продолжались. Докторъ приказалъ мнѣ сидѣть въ сосѣдней комнатѣ, чтобы видъ моего безумнаго волненія не могъ дѣйствовать удручающе ни на него самого, ни на больную. Боже, какую ночь я провелъ тамъ! Наконецъ, громкій крикъ моей бѣдной жены, за которымъ послѣдовало молчаніе, далъ мнѣ понять, что развязка наступила. Почти тотчасъ затѣмъ я услыхалъ голосъ Ральяра. Онъ перестаІъ говорить со мною на ты съ того момента, какъ занялъ по отношенію къ намъ положеніе врача.

—Мальчикъ! крикнулъ онъ. У васъ родился крупный мальчикъ! Ишь, какой живой, лягушенокъ! Трудно ты мнѣ дался, негодникъ, но изъ тебя выйдетъ настоящій мущина. И мать останется жива, чтобъ его сама выкормить. Она будетъ жить... За это я ручаюсь. Но я таки порядкомъ струсилъ!..

И онъ, этотъ палачъ, радостно улыбался, празднуя свою побѣду надъ смертью. О, непонятныя противорѣчія въ сердцѣ человѣческомъ.

Ральяръ покинулъ насъ часовъ въ двѣнадцать дня, давши предварительно необходимыя указанія и объявивъ, что разсчитываетъ вернуться вечеромъ со своимъ коллегой Кутюрье. Едва онъ успѣлъ переступить порогъ двери, какъ Буврон бросилась ко мнѣ съ просьбой:

—Спасайтесь, скорѣй, сударь, чтобъ онъ не засталъ васъ здѣсь больше. Это только видъ ужасныхъ страданій бѣдной барыни немножко тронулъ его сердце. Когда онъ узнаетъ, что ей лучше, онъ все забудетъ. Вѣдь онъ и господина Франсуа тоже лѣчилъ въ свое время, и очень хорошо, а потомъ вы знаете, что онъ съ нимъ сдѣлалъ... Спасайтесь же... Барыню онъ не сможетъ посадить въ тюрьму въ томъ состояніи, въ какомъ она теперь находится. Но вы, какъ вы отъ него уйдете послѣ того, какъ онъ видѣлъ эту мѣтку?

И она показала мнѣ, на одной изъ простынь, которую я самъ выбралъ изъ чемодана, какъ болѣе тонкую, чтобъ подать ее хирургу, герцогскую корону, вышитую гладью. Мы съ Генріэттой, въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ, забыли о томъ, что эта мѣтка неизбѣжно при случаѣ выдастъ насъ. Отъ этого замѣчанія моей хозяйки у меня кровь застыла въ жилахъ. У меня оставалась одна надежда: въ Ральярѣ сказались два совершенно противоположные человѣка въ зависимости отъ того, обращались ли къ нему, какъ къ врагу или какъ къ политическому дѣятелю. Въ немъ было словно два духовныхъ строя, противорѣчащихъ другъ другу. Онъ несомнѣнно замѣтилъ эти короны, развертывая простыни, изъ которыхъ нѣкоторыя ему даже пришлось самому разорвать. Тѣмъ не менѣе, онъ велъ себя словно ни въ чемъ не бывало. Моей единственной надеждой на спасеніе было то, что онъ могъ считать себя какъ бы нравственно не въ правѣ воспользоваться въ своей политической дѣятельности уликами, полученными имъ при исполненіи обязанностей врача. Во всякомъ случаѣ, захотѣлъ ли бы нашъ якобинецъ повиноваться въ этомъ случаѣ долгу, налагаемому на него профессіей, я не могъ покинуть жену и ребенка. Поэтому я попросилъ служанку замолчать и сѣлъ у изголовья жены дожидаться возвращенія человѣка, по отношенію къ которому чувства мои были еще болѣе противорѣчивы, нежели его собственное поведеніе. Онъ спасъ жену мою отъ неминуемой смерти. Безъ его помощи, сынъ мой умеръ бы въ утробѣ матери. И при всемъ томъ, спаситель этотъ былъ злѣйшимъ врагомъ всего, во что я вѣрилъ. Онъ отправилъ на тотъ свѣтъ сотни моихъ братій—дворянъ, священниковъ, какъ аббата Франсуа. Завтра, быть можетъ, онъ и меня отправитъ на эшафотъ. Онъ наводилъ на меня ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его самоотверженное участіе въ эту ночь приводило меня въ умиленіе помимо моей воли.

Загадка этой двойственности въ то же время внушала мнѣ отвращеніе, какъ чудовищное уродство. Съ тѣхъ поръ я часто задумывался надъ этимъ, и проникался еще большей ненавистью къ революціи, ко всякаго рода революціямъ. Самое худшее въ нихъ вотъ что: изъ мирнаго человѣка, который могъ бы быть, подобно Барнаву, хорошимъ адвокатомъ, подобно Бальи, хорошимъ академикомъ, подобно Колло д'Эрбуа, хорошимъ актеромъ, подобно Луи Давиду, хорошимъ художникомъ, подобно этому Ральяру, хорошимъ врачемъ, онѣ дѣлаютъ преступника, совершающаго преступленіе изъ самомнѣнія, только потому, что ему дана возможность примѣнять свои утопіи въ самой жизни, на живыхъ людяхъ.

Выполняя при уходѣ за женой и сыномъ предписанія, данныя нашимъ страшнымъ благодѣтелемъ, я старался разгадать загадку, отъ которой зависѣла вся моя будущность: какая именно сторона въ этой двойственной натурѣ выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы. Невольно, когда меня начинали черезчуръ одолѣвать мрачныя предчувствія, я обращалъ взоръ свой къ той иконѣ, которая внушила мнѣ наканунѣ смѣлость идти навстрѣчу опасности. Я говорилъ себѣ, что священникъ, жившій до насъ въ этой комнатѣ, тоже почерпалъ въ лицезрѣніи ея силу духа. И я заставлялъ себя молиться передъ крестомъ, который образовывало на этой стѣнѣ тѣнь отъ оконной рамы, и молился, словно это былъ настоящій крестъ, и словно на иконѣ былъ настоящій Младенецъ, Спаситель міра. И я ждалъ своей участи.

Около четырехъ часовъ Ральяръ вернулся, какъ обѣщалъ, въ сопровожденіи доктора Кутюрье, вернувшагося изъ своего путешествія, и собрался передать ему съ рукъ на руки больную. Въ первую же минуту мнѣ стало яснымъ, что Буверонъ не ошиблась. Ральяръ уже зналъ, кто я, и врачъ въ немъ уступилъ мѣсто якобинцу. Не совсѣмъ еще, потому что вмѣсто того, чтобы прислать за мною своихъ полицейскихъ, онъ пришелъ самъ. Мнѣ онъ не сказалъ ни слова, но въ глазахъ его засвѣтился тотъ же мрачный металлическій блескъ, что и въ нашу первую встрѣчу. Кутюрье оказался врачемъ средней руки, и обычнымъ выраженіемъ его лица была добродушная робость. Онъ, видимо, дрожалъ передъ Ральяромъ. До 89 года онъ былъ его робкимъ соперникомъ въ области практики, а послѣ явился его вынужденнымъ замѣстителемъ, въ ожиданіи того момента, когда станетъ его жертвой. Сообщникомъ его онъ не былъ ни въ какомъ случаѣ. Объ этомъ я могъ бы догадаться по той манерѣ, какъ онъ поздоровался со мною, тогда какъ умышленная холодность его спутника не оставляла никакихъ сомнѣній относительно его чувства ко мнѣ. Услыхавъ, какъ я назвалъ себя ложнымъ именемъ, подъ которымъ значился по паспорту, Ральяръ сдѣлалъ было угрожающій жестъ, но тотчасъ сдержался. Онъ замѣтилъ, что больная смотритъ на него. Врачъ снова одержалъ въ немъ верхъ надъ революціонеромъ. Этому явленію суждено было повториться еще разъ, но какой борьбы это стоило Ральяру! Въ томъ меня убѣдило дальнѣйшее теченіе обстоятельствъ.

Я вышелъ изъ комнаты, чтобы дать врачамъ приступить къ совѣщанію, которое продолжалось не менѣе часу. Когда дверь въ комнату больной отворилась, меня сразу поразило то, что докторъ Кутюрье вышелъ оттуда одинъ.

—Ральяръ вышелъ другимъ ходомъ, сказалъ онъ мнѣ тихо, словно боясь, что террористъ снаружи можетъ услыхать его. Видите ли, продолжалъ онъ, я не хочу знать кто вы. Но, будьте увѣрены, Ральяру это извѣстно. Если онъ васъ не арестовалъ сегодня, то только потому, что ему мѣшалъ это сдѣлать профессіональный долгъ. По той настойчивости, съ какою онъ спрашивалъ меня, можетъ-ли больная пережить сильное нравственное потрясеніе не впадая снова въ первый припадокъ, угрожающій смертельнымъ исходомъ, я понялъ, что ему претитъ причинить ей такое потрясеніе, которое ее убьетъ. Странный онъ человѣкъ, и далеко не такой, какимъ его считаютъ по нѣкоторымъ его поступкамъ. Всего пять лѣтъ тому назадъ онъ дѣлалъ здѣсь въ Морто одно только добро, да и теперь, вотъ, не велѣлъ, напримѣръ, ничего трогать здѣсь въ этомъ домикѣ, который покойный кюре завѣщалъ своей служанкѣ.

—И все таки, по его приказу, гильотинировали аббата Франсуа, прервалъ я его.

—А, вамъ разсказали. Да, это возмутительно, возмутительно. Но Ральяръ считалъ своимъ долгомъ это сдѣлать. Онъ убѣжденъ, что будущее благополучіе человѣчества основано на казняхъ извѣстной категоріи лицъ!.. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Надо подумать о васъ. Пока онъ будетъ считать вашу жену въ опасности, онъ будетъ щадить васъ. А потомъ...

Онъ безнадежно покачалъ головой.

—Благодарю васъ, отвѣчалъ ему я, пожимая ему руку. Я едва-ли ошибусь, предположивъ, что вы преувеличили нѣкоторые симптомы, замѣченные у больной, въ виду того, чтобы повліять въ желательномъ смыслѣ на Ральяра. Мнѣ-же вы скажите правду, какъ она есть. Моя жена, дѣйствительно, въ опасности?

—Не думаю, сказалъ онъ.—Въ противоположность Ральяру, я думаю, что нервная система не затронута и что мозговыхъ явленій опасаться болѣе нечего.

—Какъ вы находите, можно-ли было-бы унести ее сегодня ночью отсюда на носилкахъ? спросилъ я его въ упоръ.

—Это было-бы большимъ рискомъ, замѣтилъ онъ, минуту подумавъ. Да, большимъ...

—То-есть, этого безусловно сдѣлать нельзя? настаивалъ я.

—Нельзя-ли? Нѣтъ, сказалъ онъ помолчавъ немного.—Спасайтесь лучше одинъ.

—Оставить ее въ рукахъ того человѣка, зная, что какъ только она выздоровѣетъ, онъ велитъ ей отрубить голову! воскликнулъ я. Никогда! Да или нѣтъ? Считаете-ли вы его способнымъ отправить ее на эшафотъ въ ту минуту, когда онъ перестанетъ въ ней видѣть больную, особенно въ томъ случаѣ, если я убѣгу? Отвѣчайте.

—Да, сказалъ Кутюрье.

Словно испугавшись своей собственной храбрости, онъ подъ предлогомъ перевязки вернулся къ больной. Что-же касается меня, то мое рѣшеніе было готово. Ральяръ, очевидно, пощадилъ меня потому только, что зналъ, что одинъ я не убѣгу. Въ виду этой его увѣренности можно было предположить, что особенно строгаго надзора за нашимъ домикомъ не будетъ. Какъ только докторъ ушелъ, я попросилъ Буеронъ указать мнѣ лицо, на которое я вполнѣ могъ бы положиться. Когда стемнѣло, я вылѣзъ изъ окна въ узенькій переулокъ и, убѣдившись, что за нами наблюдаетъ всего одинъ человѣкъ, расположившійся въ кабачкѣ невдалекѣ отъ нашего домика, направился къ знакомому нашей хозяйки. Путемъ щедрой награды я получилъ отъ него обѣщаніе придти съ однимъ изъ пріятелей въ полночь съ носилками въ нашъ переулокъ. Когда они явились, я разбудилъ жену и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ей свой планъ бѣгства, разсказавъ при этомъ, какъ обстояло дѣло. Воспоминаніе объ этой иконѣ Рождества Христова мнѣ особенно дорого тѣмъ, что жена моя, геройски покоряясь своей участи, попросила у меня нѣсколько минутъ отсрочки, чтобъ помолиться въ послѣдній разъ на случай, если ей суждено погибнуть во время нашего бѣгства: и съ этой молитвой она обратилась къ изображеннымъ на иконѣ Пресвятой Дѣвѣ и Спасителю. Я еще разъ взглянулъ на улицу. Кабачокъ все еще былъ освѣщенъ, но шпіонъ спалъ, положивъ голову на сложенныя на столѣ руки. Быть можетъ, онъ только притворялся, что спитъ. Я былъ въ тѣхъ условіяхъ, когда ставятъ на карту все. Носилки, которыя наши сообщники достали у могильщика, свято чтившаго память аббата Франсуа, были поданы въ окно. Мы положили на нихъ мать и ребенка и вытащили ихъ тѣмъ же путемъ. Было условлено, что если мы встрѣтимся съ патрулемъ, носильщики скажутъ, будто они несутъ больную въ больницу. Я долженъ былъ присоединиться къ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ, куда черезъ полчаса проводитъ меня Буеронъ. Такъ какъ городъ не былъ обнесенъ стѣною, можно было пробраться на окраину черезъ пустыри. Было 99 шансовъ противъ одного, что насъ поймаютъ. Врачи говорили мнѣ впослѣдствіи, что при подобныхъ условіяхъ смерть женщины, только что разрѣшившейся отъ бремени, была не только вѣроятной, но и неизбѣжной. Тѣмъ не менѣе, на другой день въ двѣнадцать часовъ мы съ Генріэттой были уже въ маленькой пограничной деревушкѣ въ Швейцаріи. Жена моя лежала въ постели, сынъ, у нея на рукахъ, и она, и онъ живы, слава Богу, живы. Господь допустилъ, чтобы мой безумный шагъ оказался мудрымъ. Мы были спасены.

---

# ВЪ СНѢЖНОМЪ ЗАНОСѢ.

Разсказъ

**Дяди Кости.**

Какъ всегда у насъ бываетъ. Выѣхали въ хорошую погоду, а чуть только поѣздъ началъ приближаться къ станціи, загудѣла метель и весь путь засыпала сугробами снѣга. Съ трудомъ поѣздъ протиснулся къ станціонной платформѣ, а дальше ни гу-гу. Возбужденіе, которое въ такихъ случаяхъ обыкновенно возникаетъ среди пассажировъ, сугробовъ не растопило и даже не подѣйствовало на станціоннаго начальника, съ поистинѣ ледянымъ равнодушіемъ объявившаго намъ:

—Придется, господа подождать, пока расчистятъ путь.

—А долго придется ждать? спросилъ кто-то изъ пассажировъ.

Начальникъ пожалъ плечами. Спрашивавшій, очевидно никогда не былъ инженеромъ и не имѣлъ представленія о желѣзнодорожной службѣ. Скоро-ли? Объ этомъ надо спросить метель, скоро-ли она перестанетъ сыпать тучами снѣга? Въ такую погоду—что чистить, что не чистить, все равно никакого толка. Потомъ надо снестись съ центральной станціей, чтобы оттуда выслали рабочихъ, потому что здѣсь близко и такихъ деревень нѣтъ и вообще рабочихъ ни за какія деньги не достанешь. А ужъ отъ центральной станціи зависитъ, какъ она распорядится, какими рабочими силами располагаетъ, да и вообще какъ скоро ей удастся справиться съ своими заносами, потому что метель, очевидно, захватила большой районъ...

—Однимъ словомъ, закончилъ съ вѣжливой улыбкой начальникъ станціи, я могу вамъ сказать словами генерала Куропаткина: терпѣніе! терпѣніе и терпѣніе!

Хорошо ему было говорить о терпѣніи, когда онъ былъ, такъ сказать, прикрѣпленъ къ своей станціи по обязанности, тогда какъ мы въ своемъ передвиженіи связывали съ нею только двѣ—три минуты узаконеннаго ожиданія, и мы всѣмъ существомъ протестовали противъ куропаткинской методы, такъ неожиданно примѣненной къ намъ на второстепенной, промежуточной желѣзнодорожной станціи. Но какой прокъ былъ въ нашемъ протестѣ, обращенномъ въ сущности противъ метели, для которой не существовало никакихъ высшихъ инстанцій обжалованія? Такой протестъ, даже напечатанный въ самой что ни на есть освободительной газетѣ, рисковалъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Поэтому мы молча покорились неизбѣжности, и только одинъ случившійся среди насъ отставной генералъ не утерпѣлъ и воскликнулъ:

—Чортъ знаетъ, что за безпорядки!

Но воскликнулъ больше для очистки совѣсти, и восклицаніе его ни въ комъ изъ насъ не встрѣтило поддержки. За то мы съ радостью воспользовались предложеніемъ начальника станціи, любезно предоставившаго въ наше распоряженіе свою квартиру. Начальникъ былъ холостъ и жилъ со старушкой матерью и молоденькой сестрой, которыхъ, впрочемъ, намъ не удалось увидѣть.

Въ просторной комнатѣ, служившей нашему хозяину пріемной, гостиной и кабинетомъ, собралась наша небольшая компанія, пассажиры привилегированныхъ классовъ, успѣвшіе перезнакомиться между собою за короткое время вынужденнаго совмѣстнаго пути. Былъ среди насъ одинъ адвокатъ, ѣхавшій куда-то защищать, по его выраженію, аграрные безпорядки. Былъ помѣщикъ, отправлявшійся въ губернскій городъ участвовать въ землеустроительной коммиссіи. Былъ отставной генералъ, съ которымъ уже нѣсколько знакомы читатели. Былъ какой-то неопредѣленный молодой человѣкъ, котораго звали Иваномъ Ивановичемъ и который отличался тѣмъ, что поминутно, кстати и некстати смѣялся, причемъ такъ широко раскрывалъ ротъ, что генералъ каждый разъ суров засматривалъ въ этотъ ротъ, точно опасаясь увидѣть въ немъ что-то непристойное. Былъ купецъ, неотличающійся словоохотливостью и часто и съ аппетитомъ зѣвающій, причемъ онъ торопливо крестилъ ротъ и, вздыхая, произносилъ:

—Охо, хо, грѣхи наши тяжкіе!

Былъ господинъ среднихъ лѣтъ, длинноволосый, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ, не то литераторъ, не то ученый. Былъ чиновникъ въ фуражкѣ финансоваго вѣдомства, съ желтымъ геморроидальнымъ лицемъ и тусклымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ. Среди представительницъ прекраснаго пола обращала на себя вниманіе дама въ траурѣ, еще молодая, но истомленная горемъ или болѣзнью, и наконецъ, бойкая, франтоватая и эффектная вдова полковника, убитаго подъ Мукденомъ, за которою всѣ мы въ пути немного ухаживали; впрочемъ, объ адвокатѣ и генералѣ можно сказать, что они ухаживали весьма усердно, и это даже создало между ними нѣкотораго рода антагонизмъ.

Итакъ, мы собрались въ гостиной начальника станціи. Надо было какъ-нибудь убить долгіе часы вынужденнаго бездѣйствія. У каждаго былъ свой проектъ; но одержало верхъ предложеніе Марьи Александровны, хорошенькой вдовы полковника:

—Пусть каждый изъ насъ разскажетъ какой-нибудь эпизодъ изъ своей жизни, который показался ему почему либо замѣчательнымъ и произвелъ на него самое сильное впечатлѣніе. Идетъ, господа?

Всѣ охотно согласились, причемъ адвокатъ воскликнулъ, что первая очередь должна быть предоставлена очаровательному автору этой удачной во всѣхъ отношеніяхъ идеи, а генералъ крикнулъ и произнесъ внушительнымъ басомъ:

—Я самъ только что хотѣлъ сказать то же самое, и Василій Львовичъ (адвокатъ) предвосхитилъ, такъ сказать, мою мысль.

Но очаровательная вдовушка самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась начинать проектированную ею серію разсказовъ и прибавила съ одной изъ своихъ самыхъ обольстительныхъ улыбокъ:

—Мнѣ кажется, долгъ самой элементарной вѣжливости требуетъ, чтобы первое слово было предоставлено нашему любезному хозяину, такъ великодушно пріютившему странниковъ, пострадавшихъ отъ капризовъ злобной стихіи.

Адвокатъ сейчасъ же нашелъ, что эта мысль еще восхитительнѣе первой, съ чѣмъ согласился и генералъ, а за нимъ и всѣ остальные, такъ какъ въ сущности никому не хотѣлось начинать первому. Начальникъ станціи какъ будто былъ удивленъ такимъ оборотомъ дѣла и слушалъ съ натянутой и слегка растерянной улыбкой. Но мы такъ энергично и дружно напали на него, что послѣ минутнаго колебанія онъ сдался и произнесъ:

—Хорошо-съ, я пожалуй готовъ разсказать одинъ эпизодъ, не такъ давно случившійся со мною и дѣйствительно оставившій во мнѣ самое сильное впечатлѣніе изъ всѣхъ, какія я помню въ своей жизни. Но только, пожалуй, онъ для васъ окажется неинтереснымъ, и, кромѣ того, я совсѣмъ не умѣю разсказывать...

—О, это ничего не значитъ! воскликнула Марья Александровна: разсказывайте, какъ Богъ на душу положитъ. Въ томъ-то и состоитъ главная прелесть, чтобы каждый разсказъ былъ безыскусственъ и непридуманъ. Не такъ ли, господа?

Мы, конечно, подтвердили, что такъ, а генералъ прибавилъ:

—Святая истина! и крякнулъ, грозно взглянувъ на Ивана Иваныча, который совсѣмъ некстати въ эту минуту засмѣялся.

—Въ такомъ случаѣ извольте, промолвилъ нашъ хозяинъ и, откашлявшись, началъ свой разсказъ.

*Разсказъ начальника станціи.*

«Это было въ прошломъ году, въ самый разгаръ желѣзнодорожныхъ забастовокъ, пріостановокъ движенія, объявленія станціонныхъ республикъ и т. п. На нашей линіи пока было тихо, хотя броженіе уже явственно сказывалось, тѣмъ болѣе, что подъ самымъ, такъ сказать, носомъ у моей станціи, на сосѣдней линіи была объявлена республика, и тамъ творилась нарядная кутерьма. Разсказы къ намъ доходили, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, и это, какъ можете себѣ вообразить, не содѣйст-

вовало подъему духа, такъ что въ общемъ жилось намъ неособенно весело.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день получаю телеграмму отъ начальника движенія: «По полученнымъ свѣдѣніямъ, забастовщики намѣреваются захватить вашу станцію. Примите мѣры».—Плохо дѣло! подумалъ я, прочитавъ телеграмму. Особенно понравилось мнѣ это «примите мѣры». Какія же я могъ принять мѣры, когда весь служебный персоналъ станціи, включая и сторожей, не превышалъ десяти человѣкъ, можно сказать, совершенно безоружныхъ, если не считать моего стараго револьвера, который уже лѣтъ десять валялся незаряженнымъ въ конторкѣ? На всякій случай я отправилъ мать и сестру къ родственникамъ на отдаленную станцію, предупредилъ сослуживцевъ и жду.

День прошелъ безъ всякихъ приключеній. Ночью по обыкновенію я дежурилъ въ аппаратной. Вдругъ звонокъ телефона. Подхожу. Оказывается, звонятъ со станціи сосѣдней линіи, той самой, гдѣ была объявлена республика.

—Что угодно? спрашиваю.

—Можете принять поѣздъ съ нашей станціи?

—Какой поѣздъ?

—Обыкновенно какой—пассажирскій.

«Что за чортъ?» думаю. А съ этой стороны давно уже никакихъ поѣздовъ не приходило.

—Развѣ у васъ уже кончилась республика и движеніе возстановлено? спрашиваю.

—Кончилась, слава Богу, отвѣчаютъ мнѣ: такъ какъ-же на счетъ поѣзда?

—Сдѣлайте одолженіе—присылайте! говорю я, обрадованный, что мои страхи вдругъ разсѣялись такимъ неожиданнымъ образомъ: у меня все готово.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, я вышелъ на платформу. Черезъ полчаса къ платформѣ подкатилъ поѣздъ, причемъ меня поразило, что состоялъ онъ всего изъ двухъ вагоновъ. «Что за экспрессъ?» думаю себѣ: «а вѣдь говорили, что пассажирскій!» Но долго раздумывать мнѣ не пришлось, такъ какъ изъ прибывшихъ вагоновъ высыпало десятка три вооруженныхъ револьверами людей, которые окружили меня, а начальникъ банды приставилъ мнѣ ко лбу дуло револьвера и объявилъ:

—Именемъ N—ской республики вы арестованы!

«Скверно!» подумалъ я, узнавъ въ начальникѣ Сверчкова, служившаго у насъ телеграфистомъ и уволеннаго за разныя продѣлки. Кромѣ того, у меня съ нимъ были личные счеты, о которыхъ разсказывать вамъ долго и неинтересно.

Сопротивляться, конечно, было немыслимо. Въ пять минутъ станція была захвачена, защитники ея (которые и не думали защищаться) связаны по рукамъ и ногамъ, и на крышѣ станціоннаго зданія развѣвался красный флагъ съ надписью: «N—ская республика». Меня заперли въ «дамской комнатѣ» и приставили къ дверямъ и окнамъ караулъ. Не знаю, сколько я тамъ просидѣлъ, но время показалось мнѣ необычайно долгимъ, и мысли мои, какъ вы можете себѣ вообразить, были неособенно веселаго свойства. Наконецъ, щелкнулъ замокъ, и стража вывела меня въ пассажирскій залъ, гдѣ за столомъ сидѣлъ Сверчковъ съ двумя ассистентами. Столъ былъ уставленъ всевозможными бутылками и закусками, и по лицамъ сидѣвшихъ было замѣтно, что они уже основательно нагрузились.

—Въ качествѣ полномочнаго комиссара N—ской республики, обратился ко мнѣ Сверчковъ слегка заплетающимся языкомъ: я наряжаю надъ вами военно-полевой судъ за сопротивленіе законнымъ властямъ. Что вы скажете въ свое оправданіе?

Зло меня взяло. Такая дрянь, какъ Сверчковъ, и вдругъ разыгрываетъ изъ себя важную персону.

—Къ чему эта комедія? сказалъ я: совѣтую вамъ, господинъ Сверчковъ, прекратить эту неумѣстную шутку, за которую вы можете серьезно поплатиться. Во всякомъ случаѣ я не признаю ни васъ, ни вашего суда. Вы не судьи, а мерзавцы и самозванцы.

Не знаю, какъ вырвались у меня эти слова, но повторяю—ужъ очень золъ я былъ въ эту минуту, и больше всего возмущалъ меня Сверчковъ своей нахальной рожей, т. е. физіономіей.

Лицо Сверчкова побагровѣло; онъ хотѣлъ что то сказать, но удержался и, пошептавшись немного съ ассистентами, проговорилъ:

—Взвѣсивъ и обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, судъ счелъ необходимымъ приговорить васъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ долженъ быть немедленно приведенъ въ исполненіе.

Онъ злорадно подчеркнулъ «немедленно», а я такъ и ахнулъ отъ неожиданности и ужаса, потому что, сказать откровенно, ничего подобнаго не ожидалъ. Въ головѣ моей все помутилось, и ужъ не помню, самъ ли я вышелъ или меня вытащили на платформу. Очнулся я у водокачки и съ отчаяньемъ поглядѣлъ вокругъ, словно ища спасенія. Но спасенія не было, и меня окружали все пьяныя, звѣрскія лица.

—Злодѣи, воскликнулъ я: дайте хоть помолиться, не хочу умереть безъ покаянія.

—Молись, только поскорѣе! прохрипѣлъ одинъ изъ моихъ палачей.

Упалъ я на колѣни, и въ эту минуту вся жизнь промелькнула передо мной, и встали дорогія лица сестры и матушки.

—Ну, что жъ ты, кончилъ? спросилъ тотъ же хриплый голосъ, и я услышалъ щелканье заводимыхъ курковъ. Я закрылъ глаза и подумалъ:

—Вотъ она—смерть!

Вдругъ словно вихрь какой-то налетѣлъ на станцію. Земля задрожала отъ грохота. Послышались крики, топотъ ногъ, трескъ выстрѣловъ... Я открылъ глаза и увидѣлъ, что платформа возлѣ меня опустѣла, а тамъ, на другомъ концѣ ея происходитъ какая то свалка и въ темнотѣ мелькаютъ фигуры убѣгающихъ черезъ рельсы людей... Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ голосъ помощника:

—Петръ Ивановичъ, вы живы?

—Живъ, кажется. Что случилось?

—А случилось то, что нашъ сторожъ Семенъ, еще какъ только нагрянули «республиканцы», увидя, что дѣло плохо, незамѣтно убѣжалъ со станціи и, добравшись пѣшкомъ до сосѣдней станціи, разсказалъ обо всемъ случившемся. Оттуда снарядили поѣздъ съ помощью (на станціи оказались солдаты), которая и подоспѣла какъ разъ во время, чтобы спасти вашего покорнѣйшаго слугу отъ смерти...

Петръ Ивановичъ замолчалъ. Молчали и мы.

—Н-да, произнесъ, наконецъ, адвокатъ: положеніе не изъ пріятненькихъ... Брр... Однако, спохватился онъ, кто-же теперь будетъ разсказывать?

Повторилась прежняя исторія. Никто не хотѣлъ выступить первымъ. Рѣшили бросить жребій. Каждый написалъ на бумажкѣ свое имя. Бумажки свернули въ трубочку и положили въ фуражку генерала. Вынимать жребій единогласно было предоставлено Марьѣ Александровнѣ. Первой вынулась бумажка Ивана Иваныча.

—Вотъ такъ штука! захохоталъ онъ: это значитъ мнѣ разсказывать?

—Вамъ, конечно, вамъ! хоромъ закричали мы.

Иванъ Иванычъ съ минуту подумалъ, откашлялся и началъ:

—У меня душа ушла въ пятки...

—Такъ сразу? удивился адвокатъ.

Иванъ Иванычъ вдругъ расхохотался, поперхнулся и замахалъ руками:

—Ой, не смѣшите, воскликнулъ онъ: а то я ничего не могу разсказать.

Мы въ въ свою очередь накинулись на Василія Львовича съ упреками.

—Да я ничего, оправдывался онъ: не взыщите за весьма понятное изумленіе. Но я впервые слышу разсказъ, начинающійся съ того, что у разсказчика душа ушла въ пятки. Можетъ быть, нашъ молодой коллега намъ предварительно пояснитъ, отчего съ нимъ это произошло?..

—Развѣ я не сказалъ? удивился Иванъ Иванычъ и опять захохоталъ: честное слово, это со мною только случаются такія вещи... Видите-ли, вся штука въ томъ, что я сидѣлъ въ шкафу...

—Часъ отъ часу не легче! воскликнулъ адвокатъ: чего-жъ васъ занесло въ шкафъ, милѣйшій?

—Да понимаете, такая исторія... Прихожу на свиданіе и все такое прочее. Вдругъ, понимаете, мужъ... Чертовски непріятно. Я мечусь, какъ угорѣлый... Куда? спрашиваю. А она говоритъ: полѣзай въ шкафъ, больше некуда. Я и полѣзъ. Сижу... Чертовски, знаете, непріятно!.. Ну, входитъ мужъ, тутъ разные семейные разговоры... Только, слышу, онъ спрашиваетъ: «душенька, гдѣ мой халатъ?».

—Не знаю, отвѣчаетъ она, должно быть, въ твоемъ кабинетѣ... Ну, я обрадовался, думаю, уйдетъ мужъ, и я сейчасъ улепетну... Вдругъ слышу—мужъ говоритъ: «ахъ нѣтъ, душенька, я вспомнилъ, онъ у тебя въ шкафу; я самъ, говоритъ, повѣсилъ»... «И, натурально, направляется къ шкафу... У меня душа ушла въ пятки... Чертовски, знаете, непріятно... Она кричитъ: «постой, я сама достану». А онъ: «нѣтъ, голубчикъ, не безпокойся, я самъ». И все такъ идетъ... Ну, подходитъ, открываетъ дверцу, а я, понимаете, сижу съежившись въ уголкѣ... Конечно, съ его стороны полное изумленіе: «что вы здѣсь, Иванъ Иванычъ, дѣлаете?» Ну я не потерялся. «Это, говорю, мы играемъ въ прятки». Ха, ха, ха! Въ общемъ, чертовски непріятная исторія!.. Это было самое сильное впечатлѣніе въ моей жизни.

—И это все? спросилъ адвокатъ, когда Иванъ Иванычъ замолчалъ.

—Все. Чего жъ вы еще хотите? возразилъ Иванъ Иванычъ и захохоталъ.

—Тащите бумажку, Марья Александровна! предложилъ генералъ.

Но тащить не пришлось, такъ какъ вошелъ станціонный сторожъ и объявилъ:

—Ваше благородіе, прибылъ снѣжный чистильщикъ, потому какъ есть путь свободенъ.

Конечно, общая радость. Всѣ толпой хлынули на платформу и размѣстились по вагонамъ. Прозвучалъ переливчатый свистокъ кондуктора, и поѣздъ тронулся. Начальникъ станціи стоялъ на платформѣ и махалъ фуражкой,—съ той же вѣжливой улыбкой.

---

От начальника Кіевскаго почтово-телеграфнаго округа объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что, по примѣру прежнихъ лѣтъ, **поздравительныя мѣстныя карточки** и письма къ наступающему Новому году, опущенныя въ городскіе почтовые ящики заблаговременно, будутъ задерживаться въ Кіевской центральной почтовой конторѣ до 1 января и затѣмъ доставляться по принадлежности. На такихъ заблаговременно опущенныхъ въ почтовые ящики отправленіяхъ должна быть сдѣлана надпись «Новогоднее».

**Къ исправленію избирательныхъ списковъ.** Срокъ подачи жалобъ на неправильности избирательныхъ списковъ истекаетъ 28 декабря. Всѣ избиратели должны провѣрить, внесены-ли они въ списки, и въ случаѣ невнесенія—подать жалобы въ губернскую избирательную комиссію (въ зданіи окружного суда). Лица, замѣтившія, что въ спискахъ значатся и такіе, которые не имѣютъ избирательныхъ правъ, должны подать и объ этомъ заявленія въ губернскую комиссію.

Кіевскій комитетъ партіи правового порядка, узнавъ о покушеніи на жизнь предсѣдателя Императорскаго совѣта Союза русскаго народа А. И. Дубровина, въ первомъ же своемъ засѣданіи рѣшилъ послать г. Дубровину слѣдующую телеграмму:

«Кіевскій комитетъ партіи правового порядка привѣтствуетъ въ васъ русскаго патріота и идейнаго борца за русское дѣло и выражаетъ негодованіе по поводу злодѣйскаго покушенія на васъ и радость по поводу неудачи покушенія. Презрѣнное такъ называемое «освободительное» движеніе, поднимающее браунингъ противъ идейнаго борца, тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ въ глазахъ всего культурнаго міра. По уполномочію комитета предсѣдатель Савенко».

**Воспрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ.** 25 декабря, въ первый день праздника Рождества Христова, продажа спиртныхъ напитковъ, какъ въ казенныхъ лавкахъ, такъ и въ частныхъ, воспрещается.

**Административная высылка.** Начальникъ края, разсмотрѣвъ протоколы полицейскаго дознанія, устанавливающіе вредную дѣятельность проживающихъ въ гор. Кіевѣ семи лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій и промышляющихъ исключительно кражами и уличными грабежами, призналъ необходимымъ принять мѣры къ огражденію мирнаго населенія отъ преступныхъ дѣйствій этихъ лицъ и постановилъ: воспретить пребываніе въ г. Кіевѣ и Кіевской губерніи, какъ и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, на все время дѣйствія послѣдняго, слѣдующимъ лицамъ: крестьянамъ Павлу Нейдѣ, Станиславу Савицкому, мѣщанамъ Николаю Неизвѣстному, Ивану Быстрѣеву, Науму Полякову, Хаиму Корчебному и Михаилу Тубеленичу.

**Кіевскій губернскій комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства.** Слѣдующимъ докладомъ, возбуждающимъ пренія, является дорожный. Докладчикъ, членъ губернской управы С. Я. Леонтьевъ знакомитъ комитетъ съ протоколами дорожной комиссіи и смѣтой.

Гласный И. М. Рева говоритъ, что въ Кіевской губерніи мощеныхъ дорогъ нѣтъ, грунтовыя исправлять земство не собирается, такимъ образомъ, если не будутъ изобрѣтены аэропланы, гласнымъ не на чемъ будетъ сообщаться.

Гласный М. С. Еремѣевъ предлагаетъ комитету выдумать хоть какой либо примитивный способъ исправленія дорогъ. Въ настоящее время дороги несравненно хуже, чѣмъ были до перехода въ вѣдѣніе земства.

Членъ управы С. Я. Леонтьевъ объясняетъ, что въ послѣднее время губернская управа рѣшила составить инвентари всѣхъ дорогъ губерніи; работу предполагается начать съ января 1907 года. По выработкѣ такихъ инвентарей, т. е. описаній всѣхъ крестьянскихъ обществъ и помѣщиковъ, къ владѣніямъ которыхъ примыкаетъ дорога, легко будетъ потребовать осуществленія натуральной дорожной повинности, т. к. цѣлая категорія работъ по закону должна выполняться не земствомъ, а самимъ населеніемъ.

Гласный М. С. Еремѣевъ предлагаетъ упростить насколько возможно типы дорожныхъ сооруженій, чтобы съ малыми сравнительно ассигнованіями исправлять побольше дорогъ, такъ какъ населеніе страдаетъ отъ полной непроходимости дорогъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.

Непремѣнный членъ Васильковской уѣздной управы И. Г. Мошковъ иллюстрируетъ картину по дорожному вопросу: до передачи дорогъ въ вѣдѣніе земскаго управленія онѣ были подъ опекой распорядительнаго комитета, гдѣ предсѣдателемъ состоитъ уѣздный исправникъ, и были поэтому проѣзжими. Теперь вѣдаетъ дорогами уѣздная управа по дѣламъ земскаго хозяйства, куда неуклонно поступаютъ со всѣхъ сторонъ жалобы, но содѣйствія управа ни отъ кого въ дѣлѣ исправленія дорогъ не получаетъ, хотя стоитъ только проѣхать по уѣзду его преосвященству и всѣ дороги исправлены снова натуральной повинностью.

Комитетъ принялъ докладъ управы по дорожному вопросу, разрѣшивъ ей внести въ дополнительную смѣту расходъ по устройству двухъ дорогъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, гдѣ владѣлица урочища Шестерницы предложила на свой счетъ соорудить дороги съ тѣмъ, чтобы земство вернуло ей расходы рентою по покупной стоимости.

Затѣмъ вновь возникаетъ вопросъ о постройкѣ конной или электрической желѣзной дороги по с. Деміевкѣ. Вопросъ снова грозитъ исчезнуть, т. к. начинаются прежніе разговоры о скоромъ выборномъ земствѣ, въ виду котораго старому земству не слѣдуетъ затѣвать такія предпріятія. Оживляетъ настроеніе гласный И. М. Рева, благодаря которому вопросъ принимаетъ давно желанное для деміевцевъ направленіе.

Нужно думать, говоритъ И. М. Рева, о теперешнемъ земствѣ, а не о будущемъ. Вопросъ о деміевской дорогѣ тянется три года, а между тѣмъ онъ не такъ ужъ и важенъ. Начало и конецъ злополучной дороги лежитъ внѣ вѣдѣнія земства и только благодаря кусочку дороги, находящемуся подъ опекой земства, вопросъ затягивается. Въ данномъ дѣлѣ земство изображаетъ собой собаку на сѣнѣ, которая и сама не ѣстъ и другимъ не даетъ.

Не дѣло земства самому браться за такое предпріятіе. Ему непонятно, почему въ прошлую сессію комитетъ, а теперь дорожная комиссія придаютъ рѣшающее значеніе заявленіямъ г. Ржепецкаго, который даже и не техникъ, а если и дорогъ кіевскому земству, то исключительно потому, что благодаря ему съ земской смѣты 1907 года снято 600,000 рублей. Онъ предлагаетъ удовлетворить деміевцевъ, слѣзть съ сѣна и дать его кушать тѣмъ, кому оно нужно.

Большинствомъ голосовъ комитетъ рѣшилъ самому дороги не строить, но сдать постройку предпринимателю на условіяхъ кондицій, внеся въ послѣднія въ предѣлахъ возможности измѣненія въ смыслѣ пониженія тарифа. Договоръ поручено заключить губернской управѣ съ тѣмъ, чтобы о немъ доложено было комитету въ ближайшемъ же собраніи.

По разрѣшеніи нѣсколькихъ несложныхъ докладовъ, гласный И. М. Рева обратился къ комитету съ ходатайствомъ отъ имени общества плодоводства, гдѣ онъ состоитъ членомъ, о назначеніи субсидіи обществу въ размѣрѣ 500 рублей. Общество это молодое, полезное и энергичное, но какъ всякое энергичное, въ то же время и бѣдное; поддержать его необходимо тѣмъ болѣе, что просимую сумму можно взять изъ остатковъ по смѣтѣ 1906 года на просвѣтительныя внѣшкольныя мѣропріятія.

Комитетомъ ассигнованіе принято единогласно.

Затѣмъ при обсужденіи вопроса о пунктѣ для Алексѣевскаго земскаго училища въ с. Борщовѣ Радомысльскаго уѣзда гласный И. М. Рева доводитъ до свѣдѣнія комитета, что если только земство намѣрено пріобрѣтать благоустроенныя усадьбы въ продаваемыхъ Крестьянскому банку имѣніяхъ, то ему надлежитъ снестись съ центральнымъ банкомъ въ Петербургѣ о продажѣ такихъ усадебъ на льготныхъ условіяхъ, т. к. мѣстное отдѣленіе банка служитъ лишь по такимъ вопросамъ передаточной инстанціей. Съ такимъ предложеніемъ комитетъ вполнѣ согласился.

При обсужденіи числа членовъ отъ земства въ комиссіи по выработкѣ обязательныхъ постановленій о нормальномъ отдыхѣ служащимъ, комитетъ постановилъ пріурочить комиссіи къ уѣзднымъ городамъ, т. е. поближе къ самимъ предпріятіямъ, избравъ въ нихъ отъ земства пять человѣкъ гласныхъ по уѣзду, т. е. цѣликомъ всѣхъ.

Разрѣшивъ всѣ представленные губернской управой доклады комитетъ постановилъ благодарить землевладѣлицу м. Гермаиовки Кіевскаго уѣзда М. И. Подгайскую за даръ земству участка земли въ 600 кв. саж. для расширенія усадьбы Германовской участковой лѣчебницы.

Предсѣдатель управы графъ П. Н. Игнатьевъ доложилъ комитету, что за выбытіемъ изъ ревизіонной комиссіи члена ея г. Гаевскаго подлежитъ избрать новаго; кромѣ того предсѣдатель ревизіонной комиссіи ходатайствуетъ объ измѣненіи § 5 «Инструкціи ревизіонной комиссіи» въ томъ смыслѣ, чтобы законнымъ составомъ комиссіи считать наличность четырехъ членовъ. Комитетъ удовлетворяетъ ходатайство, а вмѣсто выбывшаго г. Гаевскаго избираетъ гласнаго К. А. Залѣсскаго.

По просьбѣ харьковскаго порайоннаго комитета по перевозкѣ грузовъ комитетъ выбираетъ представителями Кіевскаго земства члена управы С. Я. Леонтьева и гласнаго В. С. Сахновскаго.

По ходатайству общества м. Шендеровки комитетъ устанавливаетъ въ немъ фельдшерскій пунктъ, причемъ общество ежегодно обязалось отпускать на содержаніе фельдшера 360 рублей.

Въ заключеніе комитетъ поручилъ ревизіонной комиссіи обревизовать и доложить ему въ слѣдующую сессію отчетъ по призрѣнію семействъ призванныхъ изъ запаса въ дѣйствующую армію во время войны съ Японіей.

Въ $6^1/_2$ часовъ вечера предсѣдатель комитета объявилъ засѣданіе закрытымъ.

**Разрѣшеніе права жительства.** Начальникъ края, на основаніи § 18 примѣч. къ ст. 68 уст. о паспорт. изд. 1903 г., призналъ, что иногороднія еврейки, поступающія на вечерніе курсы для взрослыхъ, открываемые при женской прогимназіи Любови Братковой въ г. Кіевѣ, должны пользоваться правами жительства въ г. Кіевѣ.

**Новый выпускъ сахара.** Телеграммой начальника главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей увѣдомлено правленіе Всероссійскаго общества сахарозаводчиковъ о томъ, что министръ финансовъ разрѣшилъ выпускъ четырехъ милліоновъ пудовъ сахара изъ запаса на внутренній рынокъ. Это уже второй выпускъ сахара изъ запаса на внутренній рынокъ, новаго производства; первый выпускъ разрѣшенъ былъ въ 2 мил. пудовъ.

**Пожары на сахарныхъ заводахъ.** Въ ночь на 18 декабря, на Киселевскомъ сахарномъ заводѣ (Кіевской губ.) совершенно уничтожено огнемъ все рафинадное отдѣленіе съ упаковочной, колочнымъ отдѣленіемъ, сушкой, помѣщеніемъ подъ паровиками, вакуумами, центрофугами, кристализаторами и проч. Въ настоящее время отдѣленіе завода представляетъ груду пепла, гдѣ догораютъ остатки. Паровичная съ паровиками и песочное отдѣленіе завода до брандмауера и выпарки, а также отдѣленіе центральной машины уцѣлѣли. Получено также свѣдѣніе что въ ночь на 19 декабря уничтоженъ до основанія Носковецко-Александровскій заводъ, Подольской губ., причемъ изъ имущества почти ничего не уцѣлѣло. Въ обоихъ случаяхъ пожаровъ причина ихъ осталась неизвѣстной. Производится дознаніе.

**Пожертвованія.** Въ пользу «Кассы жертвъ долга» вновь поступили пожертвованія въ редакцію «Кіевлянина»: отъ В. Кармазина 3 р., г. Соловей 10 р., всего съ прежними 797 руб. 77 коп.

**Пожертвованія.** Въ пользу бѣдствующей семьи Доіе вновь поступили въ редакцію «Кіевлянина» пожертвованія отъ Н. Кармазина 1 р., А. Е. 1 р., всего съ прежними 42 р. 50 к.

**Пожертвованія.** Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая вновь поступили пожертвованія въ редакцію «Кіевлянина»: отъ Писарева 3 р., нижн. чиновъ 2 бат. 2-го конно-горнаго дивизіона 5 р. 87 к., Л. З. 3 р. Итого 11 р. 87 к.; всего съ прежними 5,071 р. 12 к.

**Пожертвованія.** Въ пользу бабушки убитаго почталіона Антона Жидкова поступило въ редакцію «Кіевлянина»: отъ С. Кармазина 1 р., всего съ прежними 69 р. 54 к.

**Сахарные рынки.** На истекшей недѣлѣ рыночная дѣятельность съ сахаромъ получила нѣкоторое укрѣпленіе, цѣны сахара удержали уровень предыдущей недѣли, хотя спросъ предъявлялся умѣренный. Отмѣтилась на недѣли и еще одна характерная особенность въ дѣлахъ съ сахаромъ. Послѣ рѣшенія, состоявшагося въ ноябрѣ, въ Кіевѣ, сахарозаводчиковъ, ходатайствовать о повышеніи залоговой оцѣнки сахара свободнаго запаса и образовать при бюро сахарозаводчиковъ продажу экспортнаго сахара, замѣтно начала понижаться цѣна перечисленій и сдѣлки спекулянтовъ съ обмѣномъ выпуска сахара пошли значительно тише. Спросъ на перечисленія еще и теперь наблюдается весьма интенсивный, но расцѣнка перечисленій рѣзко измѣнилась въ сторону пониженія. Такое рыночное настроеніе, говорятъ, знаменуетъ собою возможность успѣха ходатайства сахарозаводчиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность образованія синдиката по вывозу нашего сахара за границу.

Какъ извѣстно изъ послѣднихъ телеграфныхъ свѣдѣній, ходатайство сахарозаводчиковъ уже передано министерствомъ финансовъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Какъ будетъ рѣшено это ходатайство, покуда рѣшить трудно, такъ какъ мнѣнія по этому вопросу раздѣляются.

На Кіевскомъ рынкѣ обороты съ наличнымъ сахаромъ-пескомъ средніе, но цѣны стали повышаться. Всего на недѣлѣ, по свѣдѣніямъ котировочной комиссіи, продано песка производства 1906—1907 г., 219,000 пуд., по цѣнѣ на декабрь 4 р. 11 к.—4 р. 27 к. пудъ, на февраль 4 р. 11 к., и немедлено плата 4 р. 12 к., все за наличныя деньги. Производства 1907—1908 г. продано 60 тыс. пуд., по цѣнѣ на сентябрь—ноябрь 4 р. 8 к. за наличныя.

Цѣны рафинада для Кіева еще понизились на 10 к. на пудъ; по заявленію заводоуправленій графовъ Бобринскихъ и тов-ствъ Кіевскаго, Черкасскаго, Александровскаго, Григоровскаго, Гниванскаго, Ходорковскаго и Корюковскаго—5 р. 10 к. п., колотый 1-го сорта 5 р. 40 к.

На главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ дѣла съ сахаромъ начинаютъ крѣпнуть, хотя цѣны сохраняютъ прежній уровень, сравнительно низкій. Дѣла съ рафинадомъ вездѣ въ ослабленіи; съ экспортомъ также безъ перемѣнъ.

Цѣны песка—Петербургъ 4 р. 80 к.—4 р. 82 к. п., рафинадъ мѣстный Кенига 5 р. 60 к., привозной 5 р. 40 к.

Москва—песокъ 4 р. 65 к., рафинадъ 5 р. 45 к.—5 р. 50 к.

Одесса—песокъ наличный 4 руб. $27^1/_2$ к.—4 р. 30 к., рафинадъ 5 р. 10 к.—15 к.

Варшава—рафинадъ головной—5 р. 20 к., песокъ повагонно на Привислинскихъ ж. дор. 4 р. 20 к., на Варшавско-Вѣнской ж. дор. 4 руб. 15 к.

Баку—рынокъ безъ перемѣнъ, тихо.

Либава—на рынкѣ тихо, привозовъ для экспорта на недѣлѣ не было, фрахты остаются прежніе.

**Дорогой паціентъ.** Проживающій въ домѣ № 3, по Пушкинской ул., врачъ Веніаминъ Пикъ заявилъ въ Старокіевскій полицейскій участокъ, что 23 декабря, въ 7 час. вечера, во время его отсутствія, въ квартиру къ нему явился неизвѣстный молодой человѣкъ, въ формѣ студента университета и, узнавъ отъ прислуги, что Пика нѣтъ дома, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ и написалъ записку, приглашая врача поѣхать на ст. Бобровица къ его больному отцу; оставивъ записку, студентъ сказалъ, что зайдетъ къ доктору черезъ $^1/_4$ часа, но больше въ квартиру не являлся. Вернувшись домой, врачъ Пикъ обнаружилъ пропажу со своего письменнаго стола серебряной записной книжки съ монограммой, стоющей до 150 руб.

**Утерянныя деньги.** Вдова дѣйствит. стат. совѣтника Анна Коробкина живущая въ домѣ № 25, по Лютеранской ул., заявила въ Старокіевскій участокъ, что она 23 декабря, на Крещатикѣ, слѣзая съ извозчика, утеряла въ саняхъ кошелекъ съ 303 руб., съ которымъ извозчикъ и уѣхалъ.

**Кража церковной кружки.** По Маріинско-Благовѣщенской ул., неизвѣстными злоумышленниками похищена кружка, для сбора пожертвованій, прикрѣпленная къ оградѣ Маріинско-Благовѣщенской церкви. Сколько въ кружкѣ было денегъ неизвѣстно.

**Грабежъ.** 23 декабря, въ 7 час. вечера, по Хоревой ул., противъ д. № 53, у проходившей крест. Аграфены Клепикъ, неизвѣстными злоумышленниками ограбленъ платокъ и кофта.

**Воровка прислуга.** Проживающая по Хоревой ул., въ д. № 44, мѣщанка Хана Баскинъ, заявила въ Подольскій участокъ, что нанятая ею въ качествѣ прислуги неизвѣстная дѣвушка по имени Елизавета, похитивъ изъ комода разныхъ золотыхъ вещей на 286 руб. и 5 руб. наличныхъ денегъ, скрылась.

**Подкинутый ребенокъ.** У д. № 22, по Хоревой ул., подкинутъ ребенокъ мужского пола, около двухъ недѣль отъ рожденія. Ребенокъ отправленъ въ пріютъ.

**Карманная кража.** На Крещатикѣ, въ вагонѣ трамвая у крест. Василія Лазаревича, неизвѣстно кѣмъ, изъ кармана похищенъ кошелекъ съ 140 руб.

**Нанесеніе ранъ.** По Жилянской ул., въ д. № 109, крест. Гавріилъ Свинобаевъ и Матрена Данилова избили палкою мужа послѣдней Ивана Данилова, причинивъ ему три раны на головѣ. Пострадавшій врачемъ скорой помощи отправленъ въ Александровскую больницу. Даниловъ съ женою не живетъ и явился къ ней свести какіе то денежные счеты.

**Кража.** По Кирилловской ул., въ д. № 22, изъ квартиры Давида Херсонскаго, неизвѣстными злоумышленниками, посредствомъ взлома замка, совершена кража разныхъ вещей на 150 руб.

**Прибыли** 24 декабря: изъ М. Черсковица—С. С. Липковскій, Ковны—Н. А. Гортылъ, Одессы—Е. Р. Шустова, В. Д. Тюнѣевъ и І. Л. Тофлосъ—ост. въ гост. „Эрмитажъ".

# ТЕЛЕГРАММЫ.

## Отъ нашихъ корреспондентовъ.

### 24-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 декабря. А. С. Суворинъ въ «Маленькихъ письмахъ» пишетъ: обвиненіе въ убійствѣ Герценштейна, брошенное Милюковымъ и Гессеномъ враждебной партіи, это свинство, сдѣланное съ цѣлью выигрыша передъ толпой, на которую разсчитываютъ кадеты.

«Новое Время» сообщаетъ, что 25 декабря исполнится полувѣковой юбилей генералъ-адъютанта Линевича.

ПОТИ, 23 декабря. Поздравляемъ съ праздникомъ родныхъ и знакомыхъ. Приходько, Петходовскій, Семеновъ, Славинтинъ, Фрейлихманъ, Кротковъ, Власенко.

## С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства.

### 24-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 декабря. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія разъяснило инспекторамъ сельскаго хозяйства и уполномоченнымъ сельско-хозяйственной частью, что они въ землеустроительныхъ комиссіяхъ не должны касаться общихъ принциповъ земельнаго вопроса, а должны лишь оказывать дѣятельную помощь въ разработкѣ при осуществленіи районныхъ практическихъ запросовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 декабря. Вдова градоначальника генерала фонъ-деръ-Лауница удостоилась получить слѣдующую телеграмму отъ Государя Императора:

«Императрица и Я глубоко возмущены злодѣйскимъ убійствомъ Нашего вѣрнаго слуги. Посылаемъ вамъ, Марія Александровна, чувства Нашего сердечнаго соболѣзнованія по случаю постигшаго васъ горя. Да подастъ Господь силу и крѣпость перенести столь жестокій ударъ.

НИКОЛАЙ».

23 декабря на панихидахъ по генералѣ фонъ-деръ-Лауницѣ возложены вѣнки—депутаціи гвардейскаго корпуса Государевой свиты и русскаго собранія; вѣнокъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны возложилъ управляющій Кабинетомъ генералъ Оболенскій.

Въ Царскомъ Селѣ въ Высочайшемъ присутствіи состоялось освященіе дома призрѣнія увѣчныхъ воиновъ. Ихъ Величества удостоили милостивыхъ разговоровъ находящихся въ убѣжищѣ воиновъ. Убѣжище разсчитано на 150 человѣкъ и содержится на средства капитула орденовъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, 24 декабря. Вчера на предмѣстьѣ Амурѣ, въ пустой квартирѣ, разорвалась бомба; полиціей найдены тамъ еще два снаряда, которые въ особомъ помѣщеніи сегодня должны были быть разорваны. Къ двумъ часамъ дня въ полицейское управленіе пришли офицеры третьей отдѣльной сотни Гуреевъ, Гугуевъ и Чайкинъ и попросили пристава показать имъ бомбы. Когда Гуреевъ взялъ одну изъ бомбъ и сталъ ее разсматривать, раздалось три взрыва. Три офицера и городовой Маляренко убиты; околоточный Гираловичъ тяжело раненъ; часть помѣщенія разрушена.

ФИЛАДЕЛЬФІЯ, 24 декабря. Въ Національный банкъ явился неизвѣстный и потребовалъ денегъ. Когда ему было отказано, онъ бросилъ бомбу; взрывомъ убиты самъ неизвѣстный и кассиръ. Ранено нѣсколько человѣкъ.

СОФІЯ, 24 декабря. Выѣхали въ Петербургъ Станчевъ и генералъ Паприковъ.

ЮЗОВКА, 24 декабря. Въ квартиру инженера Жиловскаго рудника, во время разсчета съ подрядчиками, ворвались нѣсколько вооруженныхъ, захватили 3160 рублей и скрылись. Въ поселкѣ Жилово, Славяносербскаго уѣзда, по подозрѣнію, задержаны трое; при обыскѣ у нихъ найдено 2600 руб., два браунинга и печать группы максималистовъ; конторщикъ рудника призналъ въ задержанныхъ участниковъ ограбленія на 9000 рублей въ началѣ ноября.

Съ прекращеніемъ метелей и снѣжныхъ заносовъ на южныхъ дорогахъ возстановилось болѣе или менѣе правильное движеніе поѣздовъ южной сѣти, за исключеніемъ Курскаго узла, куда грузы Екатерининской дорогою принимаются еще съ ограниченіями.

ХАБАРОВСКЪ, 24 декабря. Прибыла разграничительная комиссія съ Сахалина на обработку матеріаловъ по разграниченію.

ЛОДЗЬ, 24 декабря. Въ деревнѣ Хойнахъ, подъ Лодзью, убитъ въ своей квартирѣ выстрѣлами фабричный мастеръ. Тамъ же убитъ на улицѣ рабочій. Убійства совершены на партійной почвѣ.

ТАНЖЕРЪ, 24 декабря. Въ 11 час. у., 23 декабря, открытъ огонь противъ крѣпости Райсули. Войска послѣдняго отвѣчали. Вслѣдствіе лучшихъ ружей у Райсули ружейный огонь со стороны войска Геббаса вскорѣ замѣненъ артиллерійскимъ. Около 2 часовъ огонь крѣпости приведенъ къ молчанію. Развѣдчики Геббаса установили, что Райсули покинулъ Ценатъ въ неизвѣстномъ направленіи; полагаютъ, что онъ скрывается въ сосѣднемъ горномъ хребтѣ. Потери Райсули неизвѣстны; со стороны правительственныхъ войскъ убито 7 человѣкъ.

СОФІЯ, 24 декабря. Большая часть желѣзнодорожныхъ забастовщиковъ призвана на службу въ качествѣ запасныхъ, пассивное сопротивленіе которыхъ уже даетъ себя чувствовать; несмотря на это, правительство надѣется 24 декабря, утромъ, возстановить отчасти и товарное движеніе. Соціалисты агитируютъ въ пользу объявленія всеобщей забастовки рабочихъ въ качествѣ демонстраціи противъ правительства.

ПЕТЕРБУРГЪ, 23 декабря. Центральный желѣзнодорожный распредѣлительный комитетъ опредѣлилъ количество перевозокъ на январь въ 39 милліоновъ пудовъ, въ томъ числѣ продовольственнаго хлѣба 9 милліоновъ и сѣменного 6 милліоновъ пудовъ, всего 15 милліоновъ противъ 13 милліоновъ въ декабрѣ. Потребность зерна для волжскихъ мельницъ опредѣлялась въ $2^1/_2$ милліона пудовъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило губернаторамъ: 1) для предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу остается въ силѣ прежній образецъ избирательной записки съ тою лишь разницею, что на оборотѣ записки должна быть приложена печать управы; 2) съ утвержденіемъ правилъ 10 декабря о порядкѣ производства выборовъ въ Думу посредствомъ записокъ статьи 16 и 19 инструкціи 24 февраля 1906 года сохраняютъ свою силу.

ГАЙСИНЪ, 23 декабря. Въ землеустроительной комиссіи постановлено предложить земству цѣнныя помѣщичьи усадьбы при ликвидаціи пріобрѣтаемыхъ для крестьянъ имѣній покупать въ собственность земства для школъ и больницъ; если же земство этого предложенія не приметъ, то таковыя усадьбы съ прирѣзкой къ нимъ 100 десятинъ земли предполагается продавать въ частныя руки въ цѣляхъ сохраненія культурныхъ очаговъ и пониженія цѣны остальной уступаемой крестьянамъ земли.

ИРКУТСКЪ, 23 декабря. 22 декабря ограбленъ Останчукъ. Его вещи найдены въ квартирѣ Герасимова, оказавшейся залитой кровью; слѣды привели къ незастывшему трупу женщины. Хозяинъ дома Александровъ сознался, что убійство совершено съ цѣлью ограбленія. Задержаны: Александровъ и Герасимовъ съ семьей, всего семеро, въ томъ числѣ трое несовершеннолѣтнихъ.

МОСКВА, 23 декабря. Звѣрски убита съ цѣлью ограбленія купчиха Орѣшникова въ Лефортовѣ; ограблено драгоцѣнностей и денегъ на 20,000 руб.

На станціи Кудино, Московско-Нижегородской желѣзной дороги, столкнулись товарные поѣзда; разбито и повреждено 15 вагоновъ; человѣческихъ жертвъ нѣтъ. Вслѣдствіе загроможденія пути поѣзда опаздываютъ.

ВѢНА, 24 декабря. Петербургскій корреспондентъ «Neues Wiener Tageblatt» утверждаетъ, что японцы въ переговорахъ при заключеніи трактата о рыболовствѣ предъявляютъ чрезмѣрныя требованія, которыя Россія, несмотря на уступчивость, должна отвергнуть.

ПОЛТАВА, 24 декабря. Вечеромъ три анархиста ворвались въ контору крупной мельницы Молдавскаго и, угрожая револьверами, потребовали крупную сумму. Перервавъ контору и обыскавъ служащихъ, грабители забрали 500 рублей и ушли, приказавъ приготовить 10,000 рублей.

ВАРШАВА, 24 декабря. Вечеромъ на Гусиной улицѣ стрѣляли изъ револьверовъ въ проходившій патруль. Задержано 15 человѣкъ, собравшихся въ домѣ на сходку.

ТАНЖЕРЪ, 24 декабря. По послѣднимъ извѣстіямъ, правительственныя войска потеряли 20 человѣкъ убитыми; войска Райсули 50 человѣкъ.

## Отъ Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

### 24-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ. Повелѣно возложить на члена совѣта государственнаго контроля Тычино исполненіе обязанностей товарища государственнаго контролера.

Въ цѣляхъ своевременнаго обновленія состава военнаго совѣта установлено, что члены военнаго совѣта назначаются на 4 года, послѣ чего увольняются отъ службы. Сверхъ четырехъ лѣтъ могутъ быть оставляемы лишь по особому Высочайшему указанію.

Управляющій Кабинетомъ Его Величества князь Оболенскій возложилъ на прахъ градоначальника вѣнокъ отъ имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

23 декабря въ Царскомъ Селѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, состоялось освященіе дома призрѣнія для увѣчныхъ воиновъ.

Предсѣдателями губернскихъ избирательныхъ собраній въ губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ не имѣется предводителей дворянства, назначены лица изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Изъ Москвы сообщаютъ, что командующій войсками Московскаго военнаго округа замѣнилъ осужденному за убійство городового рабочему Кузнецову смертную казнь безсрочной каторгой. Защитникъ предполагаетъ возбудить ходатайство о пересмотрѣ дѣла.

Епифановъ, покушавшійся на Щедринскаго, будетъ преданъ военно-полевому суду, такъ какъ отстрѣливался отъ преслѣдовавшаго городового.

Изъ магазина электрическихъ принадлежностей грабители унесли процентныхъ бумагъ и денегъ на 11,000 руб.

ПЕТЕРБУРГЪ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, отпущенные на выдачу сѣменныхъ ссудъ и удовлетвореніе продовольственной нужды 70 милліоновъ руб., израсходованы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ совѣтъ министровъ представленіе объ ассигнованіи на продолженіе продовольственной операціи 71 милліонъ руб. Въ академіи художествъ возникъ конфликтъ по поводу назначенія профессорамъ экзаменовъ и исключенія 41 ученика, не представившихъ работъ. Академія закрыта на неопредѣленное время.

По представленію министра внутреннихъ дѣлъ, на комиссію о мѣрахъ борьбы съ чумной заразою возложены мѣропріятія по борьбѣ съ заразными болѣзнями въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ.

СОФІЯ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Станчевъ отбылъ въ Петербургъ, для врученія отзывныхъ грамотъ; вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ вновь назначенный въ Петербургъ дипломатическій агентъ генералъ Паприковъ.

ВИЛЬНА. Освобождены арестованные члены правленія общества конторщиковъ.

БѢЛОСТОКЪ. Къ празднику Рождества Христова генералъ-губернаторомъ освобождены 12 административныхъ.

## ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

**—Убійство С.-Петербургскаго градоначальника.** Одинъ изъ очевидцевъ убійства с.-петербургскаго градоначальника В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауница передалъ «Нов. Вр.» слѣдующія подробности. «То, что произошло сегодня (21 декабря) на моихъ глазахъ, это такой ужасъ, такое безчеловѣчіе, такое попраніе всего святого, что есть въ человѣкѣ, на что способенъ только озвѣрѣлый человѣкъ, чей мозгъ безуменъ, чье сердце перестало биться для людей. Преступленіе совершено на ступеняхъ храма, среди массы неповинныхъ людей, торжество чистой науки—открытіе новой клиники обагрено кровью, потоками хлынувшей изъ двухъ труповъ и въ первый же день залившей лѣстницы того зданія, которое предназначено облегчать человѣческія страданія... Ужасное время, ужасные люди»...

«Сегодня должно было быть освященіе и открытіе новой клиники кожныхъ болѣзней, основанной при институтѣ экспериментальной медицины на средства г. Синягина. Чудное зданіе, роскошнѣйшая лабораторія для изслѣдованій, равной которой по оборудованію буквально нѣтъ въ мірѣ. Одновременно должно было состояться и освященіе небольшой домовой церкви, помѣщающейся въ верхнемъ этажѣ клиники. Къ началу обѣдни въ этой церкви, къ 10 часамъ утра, собралось большинство приглашенныхъ, человѣкъ около ста, большею частью представители медицины, врачи, получившіе приглашеніе отъ двора принца Ольденбургскаго, августѣйшаго попечителя пріюта, а также родные и знакомые г. Синягина, получившіе билеты отъ него. Прибывшіе на торжество Ихъ Высочества принцъ Александръ Петровичъ и принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургскіе помѣстились около одной изъ колоннъ церкви, петербургскій же градоначальникъ, явившійся въ 11 час. утра, когда обѣдня подходила къ концу, сталъ у другой колонны, недалеко отъ алтаря. Стоя близко къ нему, я видѣлъ, какъ во время обѣдни онъ на колѣняхъ молился Богу—смерть, очевидно, уже витала надъ нимъ. Его убійца въ это время стоялъ у порога двери, ведущей въ церковь. Когда я проходилъ самъ мимо него въ церковь, я машинально замѣтилъ его тогда, взглянувъ на него: это былъ вполнѣ интеллигентнаго вида молодой человѣкъ, лѣтъ 30, блондинъ, съ подстриженной острой бѣлокурой бородкой. Онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, очень приличенъ на видъ. Конечно, и въ голову никому не могло придти, что черезъ нѣсколько мгновеній этотъ человѣкъ совершитъ убійство и самъ будетъ убитъ. Обѣдня кончилась, началось водосвятіе и затѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ при освященіяхъ, духовенство должно было окропить помѣщенія новой клиники св. водой. Вскорѣ изъ церкви двинулось духовенство, а за ними пошли всѣ присутствовавшіе. Вслѣдъ за духовенствомъ стали выходить на лѣстницу, чтобы спуститься внизъ, принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская рядомъ съ основателемъ клиники г. Синягинымъ, за ними слѣдовалъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій вмѣстѣ съ адъютантами, и сейчасъ-же за ними пошли, толпясь и тѣснясь на лѣстницѣ, остальные присутствовавшіе: главный медицинскій инспекторъ флота д. т. с. Кудринъ, Л. А. Плющикъ-Плющевскій, академики-профессора, врачи и др. Градоначальникъ, выйдя на лѣстницу, опередилъ нѣсколько принца Ольденбургскаго и сталъ спускаться съ лѣстницы, идя немного позади принцессы Ольденбургской, почти рядомъ съ Его Высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ. Вотъ въ это мгновеніе и было совершено преступленіе. Молодой человѣкъ во фракѣ, увидавъ, что градоначальникъ спускается съ лѣстницы, протиснулся черезъ толпу, быстро сталъ сходить съ лѣстницы и приблизился къ нему почти вплотную. Шедшія сзади лица, какъ мнѣ передавали, видѣли, какъ, приближаясь къ В. Ѳ. фонъ-Лауницу, этотъ человѣкъ во фракѣ вынулъ изъ бокового кармана фрака какой-то сверкнувшій предметъ и сейчасъ же страшными голосами закричали:

—Будетъ стрѣлять, будетъ стрѣлять!»

«Но вмѣстѣ съ этимъ же крикомъ и раздался выстрѣлъ. Преступникъ выстрѣлилъ градоначальнику прямо въ упоръ въ шею. Пуля, пробивъ затылокъ, прошла черезъ мозгъ и вышла черезъ лобъ. Градоначальникъ, падая, обернулся въ полоборота, и въ это мгновеніе раздался второй выстрѣлъ также въ упоръ, пуля пробила лѣвый бокъ и пронизала правую сторону груди. В. Ѳ., обливаясь кровью, упалъ на лѣстницѣ. При первомъ же выстрѣлѣ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, непосредственно, почти рядомъ слѣдовавшій за градоначальникомъ, бросился на убійцу, хватая за руку, въ которой тотъ держалъ револьверъ, но преступникъ успѣлъ произвести второй выстрѣлъ. Принцъ Ольденбургскій съ силою схватилъ его за руку и поднялъ ее кверху, стараясь въ то же время повалить стрѣлявшаго. Благодаря страшнымъ усиліямъ принца, удалось все-таки направить револьверъ преступника кверху. Онъ выстрѣлилъ еще четыре раза, но всѣ пули попали въ стѣну, не задѣвъ шедшихъ впереди. Все это произошло въ теченіе едва-ли болѣе пяти секундъ. Одинъ изъ адъютантовъ принца Ольденбургскаго въ то же мгновеніе, какъ раздались первые два выстрѣла, вынулъ изъ ноженъ шашку и сразмаху ударилъ преступника по головѣ. Ударъ шашкой былъ настолько силенъ, что шашка какъ бы отсѣкла часть черепа совершенно. Преступникъ опустился на одну изъ ступеней лѣстницы и тутъ же скончался. Слухи, что его повели куда-то, что онъ хотѣлъ самъ застрѣлиться и что онъ получилъ ударъ шашкой уже въ другомъ мѣстѣ—совершенно невѣрны: онъ былъ убитъ наповалъ шашкою на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ самъ застрѣлилъ градоначальника. Море крови буквально залило всю лѣстницу и потоки ея въ своемъ теченіи падали внизъ, въ пролетъ лѣстницы, обагряя своими брызгами стѣны. Ужасная картина: градоначальникъ лежитъ, едва дыша, рядомъ съ нимъ трупъ преступника, и кровь, кровь около обоихъ. Что перечувствовали и пережили мы въ эти мгновенія—одному Богу извѣстно. Вопли, стоны, душу раздирающіе крики заставляли терять разсудокъ. Обезумѣвшая отъ ужаса толпа бросилась обратно въ церковь, ища спасенія тамъ, а оставшіеся въ церкви, боясь, что преступникъ, быть можетъ, сейчасъ пробѣжитъ въ церковь и не зная, что онъ уже мертвъ, стали преграждать дорогу бѣгущимъ, задерживая двери. Съ трудомъ удалось успокоить толпу, и тотчасъ же были приняты всѣ медицинскія мѣры, чтобы оказать помощь лежавшимъ на лѣстницѣ. Присутствовавшіе между публикой врачи-хирурги и въ числѣ ихъ извѣстный хирургъ-проф. Домбровскій констатировали, что пульсъ градоначальника еще бьется, онъ слабо дышитъ, преступникъ же уже мертвъ. До прибытія судебныхъ властей трупъ его оставили на лѣстницѣ: онъ казался какъ бы сидящимъ на лѣстницѣ, прислонившись головою къ периламъ. Градоначальника сейчасъ-же перенесли въ сосѣднее помѣщеніе, но осмотръ его ранъ не оставлялъ никакой надежды на его жизнь: первая рана, нанесенная въ голову, была безусловно смертельной. Черезъ нѣсколько минутъ, какъ градоначальникъ былъ перенесенъ съ лѣстницы въ комнату, онъ испустилъ послѣднее дыханіе и скончался. Когда градоначальника переносили съ лѣстницы, у него изъ кармана мундира выпалъ револьверъ очень маленькаго калибра, системы Смитъ и Вессонъ. Убійца градоначальника стрѣлялъ въ него изъ браунинга. Почти мгновенно зданіе клиники было занято полиціей и жандармами, вытребованы были судебныя власти. До ихъ прибытія двѣ двери клиники были заперты и никто изъ присутствовавшихъ не выпускался. При опросѣ присутствовавшихъ, насколько мнѣ извѣстно, всѣ дали удостовѣренія о своей личности и подозрительныхъ лицъ, которыя могли-бы быть заподозрѣны въ соучастіи, не было. Вопросъ, который былъ у всѣхъ на устахъ, какъ преступникъ могъ попасть въ число приглашенныхъ, имѣлъ-ли онъ входной билетъ и отъ кого получилъ, также остался неразрѣшеннымъ. Говорили, что приглашенныхъ было 150 человѣкъ, хотя всѣ приглашенія были именныя, но при входѣ въ клинику, какъ передавали, контроль не былъ строгимъ и быть можетъ, увидавъ интеллигентнаго по виду человѣка во фракѣ, прислуга не нашла нужнымъ просить о предъявленіи билета. Вскорѣ по снятіи опроса, присутствовавшіе поспѣшили уйти изъ клиники, началось формальное слѣдствіе. Конечно, ни о какомъ дальнѣйшемъ торжествѣ открытія не могло быть и рѣчи».

Бѣглый осмотръ трупа генерала фонъ-деръ-Лауница показалъ слѣдующее: голова прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, обѣ, пули, попавъ въ затылокъ, пробили лобныя кости, входныя отверстія пуль сравнительно ничтожныя, выходныя же—громадныя. Обѣ раны безусловно смертельныя; другихъ пораненій не найдено. Несоразмѣрность входныхъ и выходныхъ пулевыхъ отверстій даетъ основанія предполагать, что концы пуль были съ надрѣзами; этимъ онѣ были превращены въ такъ называемыя пули «думъ-думъ», чѣмъ и объясняются страшныя по величинѣ раны, съ раздробленіемъ костей. Убійца—молодой человѣкъ, лѣтъ 22—25, хорошо сложенный, роста выше средняго, рыжеватый блондинъ, съ небольшими усами, на головѣ рыжеватые вьющіеся волосы. Одѣтъ онъ очень прилично, въ хорошій фрачный костюмъ, на ногахъ лакированные ботинки, бѣлье тонкое, новое, но безъ мѣтокъ. Лицо интеллигентное. Въ карманѣ фрака найдены: довольно крупная сумма денегъ, пригласительный билетъ и номеръ отъ вѣшалки. Пригласительный билетъ такого содержанія: Билетъ для входа 21 декабря 1906 года на торжество освященія и открытія въ Императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины практическаго клиническаго отдѣленія, коему Высочайше предоставлено наименоваться «Клиника кожныхъ болѣзней имени В. К. Синягина и А. К. Чекалевой». Въ раздѣвальной комнатѣ по найденному номеру нашли принадлежащее пальто, черное, съ барашковымъ воротникомъ, въ карманахъ котораго, кромѣ 4 копѣекъ и носового платка, ничего не было. Медицинскій осмотръ обнаружилъ, что у убійцы три раны: двѣ рубленыхъ—одна съ правой стороны головы, съ поврежденіемъ мозга, другая—въ плечевомъ суставѣ, третья—пулевая, въ нижней части живота, около паха. Смертельная изъ ранъ—первая. Убійца—еврей. Званіе его не обнаружено. Оружіе, изъ котораго былъ убитъ градоначальникъ, револьверъ, системы «Браунингъ», съ котораго сняты деревянныя части ручки, такъ называемыя щеки; благодаря этому револьверъ получилъ совершенно плоскій видъ и даже въ карманѣ фрака укладывался совершенно незамѣтно. Въ револьверѣ осталось двѣ пули, былъ ли ихъ полный комплектъ—не установлено. Около трехъ часовъ дня тѣло градоначальника было перевезено въ каретѣ скорой помощи на его квартиру, трупъ же убійцы, по снятіи съ него фотографіи, отправленъ въ прозекторскую военно-медицинской академіи. Пока шелъ осмотръ труповъ, полиція занялась допросомъ живыхъ. Ее интересовалъ вопросъ, не было ли у убійцы сообщниковъ? Повидимому, они нашлись, такъ какъ чины охраны арестовали двухъ человѣкъ. Затѣмъ всѣ приглашенные на торжество, окончившееся такъ печально, были переписаны и отпущены по домамъ; допросъ закончился къ пяти часамъ дня. Раненыхъ и убитыхъ изъ публики и служащихъ нѣтъ.

Покойнаго градоначальника въ каретѣ скорой помощи, накрывъ пальто, отправили въ домъ градоначальника; карету сопровождали конные жандармы. У подъѣзда дома градоначальника тѣло встрѣтилъ настоятель домовой церкви и у кареты совершилъ литію. Чины градоначальства снесли тѣло и положили на столъ въ большомъ залѣ. Сейчасъ же была совершена первая панихида въ присутствіи вдовы, дочери и сестры покойнаго, члена Государственнаго Совѣта ген. фонъ-Валя, дворцоваго коменданта свиты ген.-майора Дедюлина, помощника градоначальника камергера Сосновскаго, чиновъ градоначальства и многихъ приставовъ. Въ 8 часовъ вечера была отслужена вторая панихида, на которой присутствовали: морской министръ вице-адмиралъ А. А. Бирилевъ, членъ Государственнаго Совѣта егермейстеръ гр. С. А. Толь, министръ торговли и промышленности шталмейстеръ Д. А. Философовъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ ген.-м. бар. фонъ-Таубе, камергеръ Сосновскій, столичный врачебный инспекторъ Скабичевскій, старшій врачъ полиціи Стеценко, столичный брантъ-майоръ А. В. Литвиновъ и мн. др.

Генералъ-майоръ Владиміръ Федоровичъ фонъ-деръ-Лауницъ былъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ съ 7 февраля нынѣшняго года—всего девять съ половиной мѣсяцевъ. За это короткое время онъ заявилъ себя энергичнымъ администраторомъ. Помимо борьбы съ политической преступностью и грабежами такъ называемыхъ экспропріаторовъ, онъ обратилъ вниманіе на хозяйственную сторону петербургской жизни и на улучшеніе петербургской полиціи. Онъ, между прочимъ, объявилъ войну картежному азарту. При немъ на улицахъ Петербурга сдѣлалось нѣсколько безопаснѣе, присмирѣло хулиганство. Обновляя понемногу составъ полиціи, онъ рѣшительно высказывался противъ полицейской слабости къ различнымъ формамъ подкупности, и въ этомъ отношеніи отъ его дѣятельности можно было ждать хорошихъ результатовъ. Покойный родился въ 1850 году, образованіе закончилъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ. Въ младшихъ чинахъ участвовалъ во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. За храбрость и мужество получилъ ордена св. Анны и Станислава 3 ст. съ мечами. Когда закончилась война, онъ остался въ Болгаріи при временномъ гражданскомъ управленіи вновь образованнаго княжества. Выйдя въ отставку въ чинѣ полковника, В. Ф. былъ избранъ въ 1895 году харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Черезъ шесть лѣтъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ, съ 1902 г. по 1906 г. былъ тамбовскимъ губернаторомъ. При немъ происходило освященіе мощей св. Серафима Саровскаго. Въ бытность губернаторомъ В. Ф. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ въ шталмейстеры.

—Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, по словамъ «Стр.», разослалъ циркуляръ, предписывающій главноуправляющимъ и директорамъ департамента принять всѣ мѣры къ прекращенію появленія въ повременной печати распоряженій правительства, часто носящихъ характеръ секретности, а потому и не подлежащихъ оглашенію.

—Общее число студентовъ Московскаго университета къ концу нынѣшняго полугодія составляетъ 8,037. Изъ нихъ болѣе половины, именно 4,596, внесли слѣдовавшую съ нихъ плату вполнѣ, 613—только 25-тирублевый взносъ, 969 не внесли ничего, 1,389 студентовъ были освобождены отъ всякой платы; за 140 былъ сдѣланъ 25-тирублевый взносъ изъ благотворительныхъ средствъ. 808 студентовъ совершенно не записались на лекціи, хотя нѣкоторые изъ нихъ внесли плату; 227—записались на лекціи, но не внесли платы.

—На дняхъ, какъ передаетъ «Рус. Гол.», вручены обвинительные акты тремъ генералъ-маіорамъ: начальнику 2-й бригады запаса Квицинскому, командиру 55-й пѣхотной резервной бригады Ромковскому и командиру запаснаго кавалерійскаго полка Лысенко. Всѣ трое обвиняются въ бездѣйствіи власти по 7 п. 144 и 145 стт. воинскаго устава о наказаніяхъ. Дѣло предполагается слушать во временномъ судѣ въ Тамбовѣ въ серединѣ января мѣсяца 1907 г. Тамъ же будетъ разсматриваться дѣло о 16-ти штабъ и оберъ-офицерахъ и о 243-хъ нижнихъ чинахъ. Первые обвиняются въ бездѣйствіи власти, нижніе чины—въ участіи явнаго возстанія.

—Изъ Курска «Рѣчи» телеграфируютъ: «Губернское земское собраніе ассигновало въ пособіе газетѣ «Курская Быль» 12 тыс. рублей.

**—Задержаніе „генерала" руенской народной милиціи.** По словамъ «Rig. Tag.», на дняхъ агентамъ сыскной полиціи удалось арестовать «генерала» извѣстной руенской народной милиціи въ квартирѣ по Мельничной ул., служившей ему для конспиративныхъ цѣлей. Изображеніе этого «генерала» верхомъ на конѣ и съ обнаженной саблей было помѣщено въ свое время на страницахъ «Rig. Tag.». Задержанный оказался зализбургскимъ крестьяниномъ Христіаномъ Бочемъ или Бойчемъ и жилъ въ Ригѣ по подложному паспорту на имя Давида Фрея. Онъ сознался въ организаціи народной милиціи сначала въ Руенѣ, а затѣмъ въ Дондангенѣ, куда онъ скрылся отъ генерала Орлова. Подъ его командой находились 150 всадниковъ и отъ 300 до 400 пѣшихъ. Вышеупомянутое изображеніе «генерала» является снимкомъ, который былъ сдѣланъ въ то время, когда Бочъ осматривалъ подъ звуки оркестра руенскую боевую силу. Лошадь, на которой возсѣдаетъ «генералъ» Бочъ—цѣнный рысакъ изъ конюшни барона Фитингофа. Б. служилъ 1½ года въ брестъ-литовской крѣп. артиллеріи и нѣкоторое время работалъ на одной изъ мѣстныхъ фабрикъ. Кромѣ содѣяннаго Б. въ Вольмарскомъ у. и Дондангенѣ, къ нему будетъ предъявленъ цѣлый рядъ обвиненій въ другихъ преступленіяхъ.

**—Средство сдѣлаться умнымъ.** До пристава 1 уч. Лефортовской ч. въ Москвѣ, по словамъ «Рус. Гол.», дошли слухи, что въ д. Стриженова, по Краснопрудной ул., сняли квартиру подозрительные люди, называющіе себя инженеромъ Гурьяновымъ-Макеевымъ, поручикомъ 1-го резервн. саперн. батальона Шугаевскимъ и мѣщ. Алексинскаго у. Н. И. Окорочковымъ. Въ занятой ими квартирѣ они бывали только по ночамъ, а утромъ уходили; никакой обстановкой не обзаводились, купивъ только большой ящикъ для писемъ и газетъ, который прикрѣпили къ входной двери. Корреспонденціи получалось много. Обитатели ночью забирали ее, писали сами ночи напролетъ, а утромъ отправлялись на почту. Такъ тянулось болѣе мѣсяца. Такъ какъ квартиранты появлялись дома не каждую ночь и не всѣ вмѣстѣ, то, чтобы поймать ихъ, полиціи пришлось устроить засаду. Надняхъ, когда въ квартирѣ появились «инженеръ» и Окорочковъ и выгрузивъ ящикъ, занялись своей обычной работой, въ квартиру неожиданно вошелъ мѣстный приставъ съ помощникомъ и другими подчиненными и попросилъ квартирантовъ объяснить, чѣмъ они занимаются. Тѣ опѣшили-было, но потомъ «инженеръ» оправился и заявилъ, что онъ удивляется вопросу пристава: вѣдь у нихъ-же ясно написано на всѣхъ окнахъ квартиры, что «здѣсь скоро откроется магазинъ новыхъ изобрѣтеній»; пристава такой отвѣтъ не удовлетворилъ, и началось дальнѣйшее разслѣдованіе. Всѣ окна квартиры, полъ, корзина и чемоданъ были заполнены корреспонденціей, часть корреспонденціи заключалась въ переводахъ по 3 рубля каждый; такихъ переводовъ изъ разныхъ провинціальныхъ русскихъ городовъ и иностранныхъ найдено нѣсколько сотъ. Всѣ переводы адресованы на д. Стриженова или до востребованія на имя инженера Гурьянова-Макѣева и друг. его соучастниковъ. По переводамъ получено нѣсколько тысячъ руб. Изъ огромной переписки выяснилось, что компанія придумала «средство каждому сдѣлаться умнымъ, талантливымъ и способнымъ ко всякой работѣ» и на немъ улавливала простодушныхъ. Благодѣтели человѣчества арестованы.

## СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ.

**РАСПИСАНІЕ ДВИЖЕНІЯ ПОѢЗДОВЪ.**

(Съ 15 октября 1906 г.).

| | № поѣзда | Отходъ изъ Кіева. | № поѣзда | Прибытіе въ Кіевъ. |
|---|---|---|---|---|
| **По Юго-Запад. жел. д.** | | | | |
| *Курьер.* I и II кл. Одесса, Кишиневъ, Елисаветградъ | 1 | 9 ч. 00 м. в. | 2 | 9 ч. 45 м. у. |
| *Курьер.* I и II кл. Брестъ, Варшава | 9 | 7 ч. 10 м. в. | 10 | 11 ч. 03 м. у. |
| *Почтов.* I, II и III клас. Одесса, Брестъ, Бѣлостокъ, Граево, Умань, Новоселицы | 3 | 9 ч. 15 м. у. | 4 | 9 ч. 00 м. в. |
| *Почтов.* I, II и III кл. Сарны, Ковель, Варшава | 3 | 12 ч. 25 м. д. | 4 | 7 ч. 50 м. в. |
| *Пассаж.* I, II и III кл. Брестъ, Бѣлостокъ, Граево | 13 | 12 ч. 05 м. п. | 14 | 6 ч. 56 м. у. |
| *Пассаж.* I, II и III кл. Умань, Одесса, Новоселицы | 5 | 12 ч. 30 м. д. | 6 | 6 ч. 15 м. у. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Бердичевъ, Радзивиловъ, Вѣна | 11 | 8 ч. 25 м. в. | 12 | 10 ч. 26 м. у. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Одесса, Волочискъ, Вѣна | 7 | 9 ч. 35 м. в. | 8 | 8 ч. 15 м. у. |
| *Смѣш.* II и III кл. Одесса, Брестъ | 15 | 8 ч. 00 м. у. | 16 | 7 ч. 35 м. в. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Фастовъ, Знаменка, Николаевъ, Елисаветградъ | 19 | 10 ч. 50 м. у. | 20 | 5 ч. 59 м. д. |
| *Почтовой.* I, II и III кл. Фастовъ, Знаменка, Николаевъ, Елисаветградъ | 17 | 11 ч. 20 м. в. | 18 | 7 ч. 15 м. у. |
| *Смѣш.* I, II и III кл. до Ольшаницы | 27 | 4 ч. 37 м. д. | 28 | 9 ч. 27 м. у. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Сарны, Ковель, Варшава, Вильно, Петербургъ | 5 | 11 ч. 50 м. в. | 6 | 7 ч. 29 м. у. |
| *Ускор. тов.* IV кл. Кіевъ, Одесса, Брестъ и Знаменка | 31 | 9 ч. 54 м. в. | 32 | 12 ч. 52 м. д. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Фастовъ, Знаменка, Екатеринославъ, Севастополь и Ростовъ-на-Дону | 93 | 7 ч. 48 м. у. | 94 | 9 ч. 53 м. в. |
| **По Московско-Кіево-Воронежской жел. д.** | | | | |
| *Скорый.* I, II и III кл. Москва | 2 | 11 ч. 40 м. у. | 1 | 6 ч. 00 м. в. |
| *Почтов.* I, II и III кл. Москва, Курскъ | 4 | 11 ч. 00 м. в. | 3 | 7 ч. 30 м. у. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Курскъ, Москва, Воронежъ | 6 | 12 ч. 50 м. д. | 5 | 4 ч. 00 м. д. |
| *Пасс.* I, II и III кл. Курскъ, Воронежъ, Харьковъ, Петербургъ | – | 8 ч. 05 м. в. | 7 | 10 ч. 35 м. у. |
| **По Кіево-Полтавской жел. дор.** | | | | |
| *Почтов.* I, II и III кл. Кременчугъ, Полтава, Харьковъ | 4 | 12 ч. 15 м. п. | 3 | 7 ч. 10 м. у. |
| *Скорый.* I, II и III клас. Полтава, Харьковъ, Лозовая, Ростовъ, Севастополь | 2 | 6 ч. 17 м. в. | 1 | 8 ч. 47 м. у. |
| *Тов.-пассажир.* II, III кл. Полтава, Харьковъ | 6 | 8 ч. 30 м. у. | 5 | 8 ч. 04 м. в. |

Редакторъ Д. ПИХНО.

Изданіе наслѣдниковъ М. К. Пихно.

Типо-Литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Кіевѣ.